

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ

Исторический роман

Журнальный вариант

1

В Испанию пришла весна. Вначале в Дальнюю, потом в Ближнюю. За рекою Ибером, которую, спустя столетия, будут называть Эбро, зацвёл миндаль. Нежно-розовые, вытянутые трубочкой, точно в поцелуе, лепестки, высвободившись из цепких объятий коричневатых почек, чуть колыхались на свежем ветерке, стремясь развернуться во всю ширь и одарить округу горьковатым, волнующим ароматом...

А по крутым склонам Пиренеев теснились и ярко зеленели непроходимые заросли мирта, олеандра, можжевельника, земляничного дерева, фисташки... Но сами горные вершины ещё были одеты снегом и только у самой его кромки уже показались из земли бледно-жёлтые цветки шафрана, открываясь с восходом солнца и закрываясь под вечер. Тщетно ожидая прилёта пчёл и бабочек, однако, пора для желанных визитов ещё не пришла...

Молодой Азиний Поллион урывками, если позволяли обстоятельства и время, замирал возле городских ворот или у входа в походную палатку, чтобы полюбоваться приметам весны и на секунду отвлечься от тягостных каждодневных забот. А его все-таки патрон, победоносный полководец Гай Юлий Цезарь, кажется, совсем не замечал, что природу постигло обновление...

Впрочем, нет. Легионеры противника уже оставили зимние квартиры и стали перемещаться всё ближе и ближе. Двигаясь вдоль берега реки к городу Кордубе, где располагались легионы Цезаря. Поллион видел, что с каждым днем его военачальник становится мрачнее и мрачнее.

Последствия всего происходящего молодому легату (командиру конницы) были непонятны — он сопровождал Цезаря во время перехода через Рубикон, когда тот отважился на отчаянный, дерзкий и судьбоносный шаг. Тогда решалось будущее всего Римского государства, и противостоял ему сам Великий Помпей!

Теперь же вся власть сосредоточилась в руках у Цезаря, а ополчились на него озлобленные сыновья последнего, незадачливые юнцы, не раз битые приближенными диктатора. Легат не решался донимать патрона расспросами, полагая, что тому не до них.

Он лишь добросовестно исполнял возложенные на него обязанности и, в свободное время, старательно вёл дневник (он был поэтом и будущим историком). За этим занятием и застал его Цезарь, вернувшись поздним вечером из очередного обхода. Продрогший, забрызганный грязью, худой и нескладный, он сбросил высокие сапоги-калиги, устало опустился на кровать (размещались они в одной палатке) и утомлённо закрыл глаза. Поллион осторожно собрал записки и хотел погасить лампаду.

— Не надо! — диктатор глянул из-под прижмуренных век. — Пиши, пока мысль не ускользнула... — легат смущённо засопел. Цезарь пошевелился: — Вино у нас есть? — Есть немного, — Поллион встал и прошёл в угол палатки, где хранились припасы и амфоры с вином.

Диктатор сел, с трудом оторвавшись от подушки. Приближенный подал ему серебряный кубок, наполненный доверху. Цезарь, зябко передернув плечами, поднёс вино к узким губам.

Поллион невольно отметил, как осунулся и постарел его патрон — подбородок заострился, щёки ввали, вокруг глаз собрались стрелки морщин. Он походил даже не на старика, а на старуху, не будь этих обширных залысин на покатоном лбу.

— Что? Сильно сдал? — оторвав кубок от губ, спросил полководец.

Поллион смутился и отвёл глаза. В руке он держал амфору с вином.

— Налей себе, — предложил Цезарь и протянул ему кубок.

Малиновая струйка соскользнула у него от уголка рта по резкой складке до самого подбородка и застряла в ней. Легат наполнил кубок.

— Скоро Либералии, — Цезарь смахнул остатки вина. — У греков они, по-моему, называются «праздником кувшинов»? Верно?.. Ты ведь бывал в Греции?..

Поллион сделал несколько глотков.

— Ну, да. Бывал. Это происходит на второй день праздника Диониса...

— А почему на второй?..

— В первый день все открывают бочки с молодым вином, а во второй — разливают его по кувшинам... — и, вспомнив захватывающую воображение картину, засмеялся.

— Потом изо всех сил стараются перепить друг друга, пока не падают замертво...

Диктатор приободрился. Узкое, бледное лицо его порозовело. Он вытер, наконец, подбородок и почесал длинным пальцем затылок.

— Они ведь не разбавляют вино водой?..

— Нет, — легат улыбнулся, — в отличие от нас...

Цезарь вдруг вспомнил:

— Но поэт Катулл тоже не советует его разбавлять...

— И смеётся над теми, кто это делает!

— Над нами он смеяться вряд ли будет... Вина мы не разводим, но перепивать один другого не станем, ладно?..

Поллион молча кивнул головой.

— А что ты там писал?..

— Да так... Заметки...

— О чём?..

Поллион пожал плечами:

— О природе...

В глазах Цезаря мелькнуло удивление. Он быстро окинул взглядом собеседника — его молодое, свежее лицо, крепкая мускулистая фигура, казалось, не испытывали тягот и потрясений.

— Ты успеваешь замечать смену времён года?..

Легат ответил не очень уверенно:

— Стараюсь...

Полководец вновь откинулся на подушку:

— А я давно ничего не вижу. Ни свежести весны, ни щедрости лета, ни увядания осени, ни скудости зимы... — он вздохнул. — Только сплошная маета и суета — где поставить лагерь? Чем кормить солдат? Как поднять их боевой дух? Когда начать сражение?.. — и на секунду сдержал дыхание. — Почему отсюда уехал мой наместник Гай Требоний, которому я безгранично доверял?..

Приближенный медленно отошёл к столу, поставил на него кубок и опустил на пол амфору с вином. Сел на табурет.

— Ты пей ещё, если хочешь. Только не напивайся, как Антоний или Долабелла... — Цезарь усмехнулся.

Легат покосился на него:

— Мы скоро выступаем?

Полководец, вытянув худые мосластые руки, затрещал суставами:

— Если бы я знал!..

Поллион удивился:

— А разве ты не принял решения?!..

— В этой стране мне не слишком везёт. Пятнадцать лет назад, здесь, в Кордубе, со мной случился первый приступ...

— Падучей?..

— Ну, да... — глаза у полководца потемнели. — А четыре года назад, ты помнишь, я чуть не погиб, когда мы громили Афрания и Варрона...

Поллион понимающе вздохнул. Легионы, принявшие сторону Помпея, дрались изобретательно и ожесточённо и, если бы не безоглядное мужество и невероятная изворотливость Цезаря — всему бы пришёл неминуемый конец. Пожалуй, его людей спасло то, что полководец великолепно знал местность.

Избегав всевозможных ловушек и сумев загнать противников в западню, он окружил их глубокими рвами и частоколами и принудил к сдаче. Предводители мятежников, тем не менее, исхитрились бежать, а простых легионеров победитель великодушно простил.

— Ведь ты их всё-таки пощадил, — напомнил Поллион.

Цезарь хитровато сощурился:

— А потом сюда проникли сыновья Помпея и вновь заварили кашу! А солдаты, как

всегда, переметнулись... В который раз!..

— Но может, им чего-то посулили?..

Цезарь не успел ответить, как у входа появился ещё один приближенный диктатора — Децим Альбин.

— Можно? Я вижу — вы не спите... Не помешаю?..

— Заходи, Альбин! — полководец сел и показал жестом: — Выпей, если хочешь...

Гость подошел к столу. Поллион налил ему вина. Альбин не спеша выпил.

— Как обстановка в лагере? — любопытствовал Цезарь.

Отставив пустой кубок, Альбин ответил негромко:

— В общем, всё спокойно. Солдаты не шумят, не играют в кости, не дерутся, не мародёрствуют...

— Это мне как раз не нравится... — Диктатор потёр облысевший лоб. — Их молчание наводит на нехорошие мысли. Кстати, в лагере наших врагов тоже стоит тишина. Однако там она другая, заметьте...

— А какая? — не выдержал легат.

— Сосредоточенная... — Цезарь подобрал тощие жилистые ноги. — После такого глубокого душевного настроения люди, не колеблясь, идут в бой. И дерутся до последней капли крови...

Альбин внимательно следил за говорившим:

— Тогда что у нас?..

Диктатор вздохнул:

— Уныние, если не сказать хуже... Вы пейте, не обращайтесь на меня внимания... — полководец лег свободней, закрыв лицо локтем левой руки.

— Это здешнее вино? — Альбин сделал небольшой аккуратный глоток.

— Ну конечно. Наше мы давно прикончили.

— Да, оно явно не фалернское! — Альбин разом опорожнил кубок. — Скоро Либералии...

— У греков этот праздник называется Дионисиями и справляется четыре раза в год...

— Целых четыре раза?! — удивился Альбин. — Вот греки дают! Так и спиться недолго!..

Легат пожал плечами:

— Я же не спился... — он помолчал и прибавил: — А у нас, римлян, слово «свобода» и имя бога вина происходят от одного корня — «либ». Видно, это неспроста...

— «Либом» называется и юго-западный ветер...

— Вот видишь! — Поллион посерьёзnel. — Но ветреным народом нас не назовёшь! Это точно...

От кровати полководца донесся глубокий, размеренный сап. Цезарь, укрывшись шерстяным плащом и подтянув к груди голые, костлявые колени, мирно спал, расправив морщины худого остроносого лица. Он походил на простого, смертельно уставшего, пожилого человека, наконец обретшего желанный покой...

И опять общая мысль посетила головы молодых людей — как же одинок, беспомощен и незащищен казался этот непобедимый воитель, властитель чужих судеб и потрясатель границ самой Вселенной. Короткий взмах меча или удар кинжала — и нет его!

Старательно пряча друг от друга глаза, Поллион с Альбином тихо обратили взгляды на стол, где стояли два пустых бокала.

— Пожалуй, я пойду... — шёпотом произнёс Альбин и встал.

— Я провожу тебя, — молодой легат осторожно поднялся.

2

За порогом походной палатки царил глубокая ночь. Лагерь Цезаря раскинулся под стенами небольшого городка Кордубы, издавна бывшего центром власти римских наместников в Дальней Испании. Местные племена кельтиберов, каллаиков, иберов, лузитан — то восставали против чужеземного владычества, то с охотой шли служить в римские легионы...

Пятнадцать лет назад Цезарь успешно воевал против них, а потом вместе с испанскими наёмниками покорял Галлию и Британию. Его любимец Децим Альбин частенько сопровождал полководца, а некоторое время спустя его место занял юный Азиний Поллион.

Два верных приближенных диктатора молча шли среди многочисленных палаток, поставленных в строгом порядке. Заливистые храпы и сонное бормотание спящих солдат привычно долетали до слуха обоих спутников, не вызывая у них никаких эмоций, но вот послышались иные звуки. Поллион остановился.

— Слышишь? Что это?..

Напряженные, булькающие, горловые ругады доносились откуда-то сверху. По всей вероятности — с городских стен.

— Да это голуби! — догадался Альбин.

Легат блеснул в темноте белками огромных глаз:

— Голуби?..

— У них это... — Альбин засмеялся. — Любовная лихорадка...

Спутники постояли в полном молчании, слушая нетерпеливое, страстное, настойчивое бормотание... И вдруг почти над их головами кто-то гулко, оглушительно ухнул, и чёрная тень бесшумно пронеслась от палатки к палатке.

— Филин! — непроизвольно отозвался легат.

Альбин хотел что-то сказать, но тут же передумал. Сплюнул и произнес негромко:

— Мне не нравится его настроение...

— Цезаря?..

Собеседник молча кивнул головой и прибавил в раздумье:

— Хотя, если принять во внимание его годы, всё идёт, как должно. Ты помнишь, сколько ему?..

— Скоро пятьдесят пять... — не слишком охотно откликнулся Поллион, — Возраст едва ли преклонный...

— А когда мы разбили Помпея — сколько тому было? Пятьдесят восемь. Велика ли разница?.. Я понимаю Треbonия, — заговорщицки поделился Альбин, — он хотел навести здесь порядок. Уговаривал, настаивал, даже кое-кого пристраждал, а что толку?..

— Говорят, что он не однажды встречался с Гнеем и Секстом...

— Сыновьями Помпея? И что?..

Поллион пожал плечами:

— Никто ничего толком не знает. Но судя по тому...

— Что он сбежал, — подхватил Альбин, — урезонить их ему не удалось... Вот потому-то Цезарь и не в себе. Слишком уж мрачная выходит картина...

Поллион не сразу нашелся с ответом. Подобных или схожих ситуаций, происходивших на его глазах, было великое множество. Он вспомнил и знаменитый Рубикон, и события четырёхлетней давности, бывшие здесь же, в Испании... И отчаянное плавание по штормовому морю, когда они спасались от вражеских судов... И едва не свершившееся позорное поражение от легионов Помпея, призвавших их к морскому берегу... Солдаты тогда дрогнули и побежали, а сам Цезарь ловил удиравших дезертиров и, ухватив за руку рослого легионера, хотел остановить его, но тот, в страхе и ярости, остервенело взмахнул мечом... И если бы не ловкость и проворство отважного телохранителя полководца — война бы на этом и завершилась.

В глазах Поллиона стояла мгновенная и жуткая сцена — полоснул короткий, садкий удар, и рука дезертира с зажатым в кулаке клинком, занесённым над головой Цезаря, отлетела куда-то вбок, а из чудовищной раны на его плече ударила струя крови прямо в лицо диктатору... Беглый легионер, ещё не ощутив дикой боли, с изумлением и ужасом глянул на отрубленную руку, потянулся за ней и рухнул замертво...

— Ты вспомнил Фарсал? — неожиданно спросил Альбин. — Тогда всё было иначе...

— Нет, — тихо ответил легат, — Фарсала могло не быть...

Собеседник не понял:

— Это как?

— На моих глазах Цезарь едва не погиб... — и Поллион поведал ему об этом невероятном случае.

— Нет, он в рубашке родился!

— Наверно. Тут поневоле поверишь во всякие тайные силы, которые его охраняют... Отстань телохранитель хотя бы на полшага или вырони меч!.. — легат красноречиво умолк.

Собеседники постояли в безмолвии, воскрешая в памяти картины прошедших жестоких битв, в которых рубились они сами и которые происходили при обязательном участии Цезаря или с его ведома и желания...

— Надеюсь, это будет последняя схватка, — задумчиво произнёс Альбин, — и Цезарь бы её охотно избежал...

— Он бы избежал, — согласился спутник, — только сыновья Помпея на это не поймут...

Месяц исчез за горизонтом, а весеннее мартовское небо вызвездилось мириадами ярких святающихся точек. Свежий, зябкий ветерок пронёсся над рядами палаток, хлопая туго натянутым полотном.

— Либ? — спросил Поллион.

— Он, — коротко бросил Альбин и зевнул, — ветер свободы. Надеюсь, ночь будет спокойной. Только жаль, что у нас нет гусей...

— Каких гусей? — не понял легат.
 — Которые спасли Рим... — негромко ответил собеседник. — Спасибо, что проводил, — он шагнул к ближайшей палатке.

Поллион медленно повернулся и отправился в обратный путь. Разговор с Альбином заметно встревожил его, несмотря на то что между ними не было сказано ни одного предосудительного и обидного слова. Однако упоминания о возрасте диктатора, о сыновьях Помпея и о Гае Требонии, бывшем недавно наместником в Испании и вдруг покинувшем её, — сделали своё дело. Сам тон и прозрачные намёки смутили молодого легата. Поллион тоже видел, что знаменитый полководец словно бы утратил часть своей безграничной веры в самого себя и в неизменную удачу, которая всегда ему сопутствовала...

3

Гней и Секст — сыновья Великого Помпея — проводили дни в суете и тревоге, стараясь скрыть её даже друг от друга. Верховное командование взял на себя Гней — по праву старшинства. Он очень походил на своего знаменитого отца: то же квадратное лицо с широким лбом, мясистым носом и тяжёлым, раздвоенным подбородком. Однако у отца оно было величавым и добродушным, а сына отличала неуверенность и вспыльчивость...

Младший — Секст — лицом пошёл в мать, хотя характером, в какой-то степени, старался подражать отцу. Они оба понимали, что не только слава и могущество Рима, а вообще вся нынешняя, во многом нескладная жизнь долгие годы зависела от волеизъявления трёх людей — Помпея, Красса и Цезаря...

Но Красс, почти десяток лет назад, погиб в битве с парфянами, и зыбкое равновесие неминуемо нарушилось. Остались двое — Великий Помпей и победоносный Цезарь, и сотни алчущих, корыстолюбивых и неуступчивых людей, составляющих свиты того и другого. Кто из них более честолюбив, удачлив и щедр? Кому из двоих должно стать непререкаемым властителем Рима? Из чьих рук они могут получать обильные и бесчисленные дары — тучные земли, золото и серебро, толпы крепких рабов?..

Баловень судьбы Помпей, привыкнув к громким, блистательным победам и всеобщему поклонению, конечно же, не мог склонить гордой головы перед худосочным, припадочным аристократом, неоплатным должником и дерзким авантюристом, пришедшим к воинской славе благодаря сверхчеловеческим трудам, неустанным напряжениям и вечной неуспокоенности. Один безгранично верил в удачу, другой — в предусмотрительность, одержимость, неуступчивость...

Сыновья Помпея, с юношеских лет следовавшие за отцом и кое-что понимавшие в воинской науке, не могли не оценить превосходства Цезаря. Их отец непрестанно твердил, что «стоит ему топнуть ногой, как вся Италия наполнится войсками, которые примут его сторону». Однако стоило Цезарю перейти Рубикон и взять приступом небольшой городишко Аримин — как всю страну охватила паника. Те, кто смог и сумел, собирали пожитки, родных, близких, слуг и рабов и бежали на юг или за пределы Италии...

Хотя суровый победитель неизменно проявлял безмерное великодушие, тем не менее, ужас обуял всех вокруг... Даже сам Помпей Великий, выказав постыдное малодушие, позорно бежал из Рима. С многочисленным войском маститый полководец переплыл Адриатическое море и укрылся в Греции, чтобы набраться мужества и сил...

— Скоро Либералии, — выжидательно взглянув в лицо брата, напомнил младший Помпей.

— Через пять дней, — согласился старший.

— Как полагаешь — он пойдёт на нас?..

— Скоро. Может быть — завтра. Ничего другого ему не остаётся... — сосредоточенно ответил главный военачальник.

Братья, не сговариваясь, вспомнили Фарсал. Эта шумная, ожесточённая, кровопролитная битва, принесшая Цезарю блистательный успех, а их отцу полный и сокрушительный разгром, была для них самым чёрным днем. Они оба тогда отчаянно дрались в рядах кавалерии, среди молодых, горячих, не слишком опытных бойцов, отлично вооруженных, сидящих на прекрасных, отборных скакунах...

Накануне Великий Помпей самолично осмотрел свою многочисленную, великолепную конницу и остался всем очень доволен. Он решил сделать её главной ударной силой. А жалкие кавалеристы Цезаря тряслись на тощих, недокормленных лошадей, и было их всемеро меньше, чем у противника...

Когда обе армии сошлись на равнине Фарсала, то даже несведущему человеку показалось бы очевидным — на чьей стороне будет победа. И вдруг жалкие всадники Цезаря бросились в атаку... Помпей и его свита на мгновение оторопели — происхо-

дьящее представилось им полным безумством! Уж не потерял ли Цезарь от отчаяния рассудок, чтобы посылать на верную смерть этих ничтожных вояк?!

Молодые кавалеристы Помпея победно улыбались, готовясь достойно встретить эту беспомощную ораву, чтобы разнести её в пух и прах... Но, не доскакав до первой шеренги противника расстояние в три полёта стрелы, потешные всадники дружно развернулись и живо устремились обратно. Помпей и его окружение оторопели вторично — это поспешное бегство выглядело слишком слаженным и организованным, чтобы называться позорным...

Юная кавалерия Помпея поняла всё превратно и, увидев спины удирающих врагов, бросила своих коней вскачь... Гней и Секст неслись в рядах нетерпеливых всадников, сжимая в левой руке узду, а правой держа на отлёте длинный кавалерийский меч. Горячие фессалийские лошади летели во весь опор, и казалось, ещё два или три неистовых броска, и головы жалких противников расколуются или свалятся с плеч от лихого удара клинка... Но вдруг нестройная кавалькада просочилась между шеренг тяжёлой пехоты, ряды которой тесно сомкнулись, и отчаянных кавалеристов Помпея встретила непробиваемая стена массивных щитов, ошестинившихся безжалостными копьями...

Преследователи смешались: задние конники в беспорядке теснили передних, а бывалые ветераны Цезаря вонзали в молодые, кичливые лица всадников железные наконечники копий, не забывая при этом ранить обезумевших коней... Над долиной разносились душераздирающие стоны, истошное ржание коней, садкий стук мечей, гвалт, рёв и дробный хруст костей...

4

А в Риме царили растерянность и неразбериха. Уезжая в Испанию, Цезарь оставил надзирать за столицей своего надёжного друга Марка Антония. Высокий, плечистый, бесшабашный, тот устраивал шумные попойки, водил за собой шумную свиту из мимов и комедиантов вместе с толпой продажных женщин, гулял и пил напропалую... Сенат не заседал неделями, а когда возникала нужда обнародовать какое-нибудь важное постановление или указ, Антоний являлся в здание курии опухший от пьянства и, дыша перегаром, командовал:

— Начинайте, отцы-сенаторы!.. Мы вас слушаем...

Однажды ему пришлось выступить публично — народ требовал отмены всех долгов, а друзья убеждали Антония не соглашаться. Они блюли свои интересы. Бурная пирушка, случившаяся накануне, сделала своё дело — мысли у незадачливого оратора путались, голова трещала, в животе бурлило и к горлу подкатывало...

Форум был заполнен горожанами до отказа. Внушительная, атлетичная фигура Антония на целую голову возвышалась над окружающими. Он сделал широкий, размашистый шаг, поднял руку... И вдруг большое, массивное лицо его предательски исказилось, из отверстого рта вместо громогласной тирады хлынула струя блевотины...

Один из преданных собутыльников великодушно пожертвовал плащом, подставив его под смрадное извержение консульского желудка, дабы тот не осквернил свой торжественный наряд, не уронив себя окончательно. Римляне, заполнившие огромную площадь, обескураженно разошлись, поняв, что это и есть самый красноречивый ответ на их тщетные ожидания...

Все прекрасно понимали, что Антоний лишь игрушка в руках Цезаря, но диктатор был далеко, а жизнь каждый день требовала ответа на бесчисленные вопросы. Что же будет дальше? Когда, наконец, закончится война, длаящаяся уже четыре года? Кто победит? Если всё-таки одолеют сыновья Помпея, то что они сделают с побеждёнными? А если верх вновь возьмёт Цезарь, что ждёт страну в будущем?..

Не только сама столица, а вся Италия раскололась самым причудливым образом. Вражда двух великих полководцев, а точнее — честолюбцев — развела в противоборствующие лагеря сотни тысяч людей. Кто-то, как стойкий республиканец Марк Катон, предпочёл самоубийство позорному поражению от сторонников Цезаря, кто-то продолжал воевать за пределами отечества, подобно сыновьям покойного Помпея, а кто-то, получив от диктатора великодушно прощение, вернулся в Рим, продолжая ненавидеть своего благодетеля...

Один из ближайших помощников Цезаря, его правая рука — Гай Требоний — прошёл с ним всю галльскую войну. Будучи легатом, он командовал тогда римской кавалерией. Битвы велись с переменным успехом, и временами Цезарь чудом ускользал от полного и окончательного разгрома. Против захватчиков поднялись почти все галльские племена — белги, нервии, арверны, карнуты, эдуи. Во главе вставших встал способный военачальник — Верцингеторикс. Дав римлянам большое, кровопролитное сражение, он отошёл к городу Алезии и укрылся за его стенами, довольно высокими

и мощными. Цезарь понял, что добить врага молниеносным штурмом вряд ли удастся — придётся готовиться к долгой осаде, а в этом римляне слыли великими мастерами...

Они окружили город ещё одним кольцом рвов и стен, поставили за ними осадные орудия — катапульты, онагры, баллисты — и регулярно осыпали защитников градом камней и стрел, сея панику и смерть. Но осаждённые держались стойко. Неделю спустя Цезарь, посоветовавшись с Требонием и ближайшими помощниками, приказал возвести вторую стену уже вокруг лагеря самих римлян. Упорное, стойкое нежелание Верцингеторикса переходить к активным боевым действиям наводило римского полководца на мрачные догадки — враг явно чего-то ожидал.

Легионеры, подчиняясь приказу, стали без особого желания городить позади своих палаток частокол из неохватных бревен, вырубивши все окрестные леса. И вдруг городские ворота приоткрылись, и оттуда хлынули худые, оборванные люди с вздытыми над головой руками...

— Цезарь! — окликнул полководца Требоний. — Посмотри, они сдаются!..

Долговязый триумфатор, приложив ладонь ко лбу, с минуту созерцал понурые фигуры врагов, потом с опаской процедил:

— Как бы не так! Этого нам ещё не доставало!..

Требоний обеспокоено повернулся: среди худых, полуодетых, едва бредущих, понурых людей были только старики, женщины и дети...

— Цезарь, что будем делать?! — бежал к полководцу отчаянный вояка Гай Крассиний.

А из городских ворот всё сочился и сочился неиссякаемый людской поток. Требоний не спускал глаз с военачальника. Узкое, бледное лицо Цезаря побледнело ещё больше, и помощник испугался — уж не начинается ли у того припадок злосчастной падучей?! Это было бы совсем некстати.

— Выставьте людей у стены! Никого не пускайте внутрь!.. — распорядился полководец.

Солдаты, повинувшись приказу, выстроились по внутренней стороне лагеря. А передние ряды бедных изгнанников уже достигли сплошного деревянного частокола и робко постучали в дубовую ограду. Наиболее отчаянные что-то жалобно кричали...

— Чего они хотят? — спросил Цезарь у приближенных.

— Попросят, чтобы их накормили, — ответил Крассиний, понимавший по-галльски.

Лицо Цезаря приняло обычное хитроватое и уклончивое выражение:

— Всё ясно. У Верцингеторикса туговато с продовольствием, и он решил отправить горожан на наше содержание. Молодец! А сколько их?

Бравый центурион Крассиний успел взобраться на ограждение и сверху оценил толпу беженцев:

— Тысяч тридцать-сорок!

— И нас столько же!.. — в словах Цезаря прозвучала усмешка.

— Но там женщины и дети... — слабо возразил Требоний.

Полководец быстро взглянул на него:

— Ты предлагаешь оставить солдат без еды, а всё отдать им?!..

— Нет, но... — Требоний умолк.

— Если Верцингеторикс не пожалел своих земляков и отправил их под наши мечи, почему мы должны их щадить? Ради чего?!.. Кончайте их... — полководец, махнув рукой, быстро ушёл в свою палатку.

Дальнейшее Требоний помнил, как кошмарную, бесконечную пытку, от которой можно сойти с ума. Ему никогда не было так безумно страшно, тоскливо и омерзительно, так что хотелось наложить на себя руки...

Если бы не скорый приход трехсоттысячного галльского подкрепления, когда римлянам пришлось драться на два фронта, — это позорное избиение невинных и слабых никогда бы не изгладилось из памяти захватчиков.

Цезарь вновь проявил чудеса сметливости и отваги. Он вначале устремился на появившуюся подмогу, не позволив ей построиться в тесные ряды и начать лихую атаку. Его алый плащ носился из конца в конец среди сражающихся легионов, и телохранители полководца едва-едва успевали отражать удары врагов и менять его израненных коней...

Битва продолжалась столь успешно, стремительно и разгромно, что Верцингеторикс, сидящий в осаждённом городе, узнал о поражении своих соплеменников только тогда, когда увидел трофеи, заботливо выставленные римлянами на его обозрение. Залитые кровью галльские щиты, панцири, шлемы, копыя, мечи и палатки... Осаждённые упали духом, а воспрянувшие враги, опьяненные удачей, не мешкая, бросились на штурм — и крепость пала...

Верцингеторикс, надев дорогие доспехи и оседлав лучшего коня, приблизился к полководцу, спустился на землю, снял с себя шлем и латы, отбросил меч и сел у ног

победителя...

Приближенные Цезаря и простые солдаты были потрясены, польщены и обрадованы — самый непримиримый и упорный враг римского народа признал превосходство их вождя. Они подняли мечи и дружно гаркнули:

— Слава Цезарю! Виват императору!..

Требоний кричал вместе со всеми, и сердце его переполняла безграничная, неподдельная радость — они одолели четырехсоттысячное войско, имея своих сил в десяток раз меньше. Ну, как тут не славословить, не восхвалять Цезаря?!

А потом была осада Массилии, где римляне оборонялись от варваров и Требоний командовал осажденными, а Цезарь, не мешкая, спешил ему на помощь. Вместе с ним он переходил Рубикон, занимал Италию, сражался при Фарсале, брал Александрию, жёг египетский флот и воевал в Африке...

Когда Цезарю доставили голову убитого Помпея, Требоний находился здесь же, в палатке военачальника. Они обсуждали планы ближайших действий, и вдруг за тонкими, матерчатými стенами воцарилась почти кладбищенская тишина. Она была настолько неожиданной и ошеломляющей, что руки некоторых потянулись к оружию. В палатку заглянул часовой:

— Тут принесли это... — он запнулся и умолк.

— Что? — внезапно осипшим голосом спросил Цезарь, хотя он сразу догадался, что за трофей ему доставили.

— Голову... — едва слышно произнёс солдат.

Присутствующие, в числе которых находился Авл Габиний — бывший легат Помпея, теперь служивший Цезарю, потупили взоры.

— Впусти...

В палатку торжественно и важно ступили двое посыльных от главного евнуха египетского царя Птолемея. Тот, что шёл сзади, по всей вероятности слуга, прижимал к груди нечто массивное, обёрнутое в золотую парчу...

Оцепенение охватило всех собравшихся, как будто тусклое мерцание дорогой ткани гипнотизировало бывалых вояк. Все они тысячу раз видели кровь и смерть, на их глазах и ими самими безжалостно отсекались чужие руки, ноги и головы, вспарывались животы и выкалывались глаза, но сейчас они обмерли и ужаснулись...

Посыльные растерянно переглядывались: желая доставить победителям самую главную награду, оба надеялись заслужить одобрение, а вместо этого... Несчастные не понимали, что они держат в руках былую славу Рима, его многочисленные, громкие и блистательные победы. Это была не голова лютого, поверженного врага, а символ мощи, чести, величия мировой державы, её доблести и отваги...

Слуга стал медленно разворачивать ткань. Не дождавшись ни слова одобрения, египтяне подумали, что победители не верят в удачу и хотят удостовериться, что их не обманывают. Слуга сделал неловкое движение, и страшная ноша с глухим стуком упала к его ногам...

Все невольно вздрогнули, Авл Габиний, бывший приближенный Помпея, смертельно побледнел, Цезарь громко зарыдал, а в душе у Требония что-то резко повернулось, и он вдруг почувствовал, что ненавидит плачущего диктатора...

5

До праздника Либералий осталось четыре дня, а настроение у Цезаря не улучшалось.

— У меня одна надежда на десятый легион, — поделился он своими соображениями с Поллионом и Альбином.

Оба его помощника вопросов не задавали — они знали и так, что это любимый легион полководца, в котором служили самые стойкие и опытные бойцы, не раз решавшие исход сражения. Только не слишком ли часто диктатор пользуется их храбростью и мастерством?

— Вы наверняка думаете, что я их чересчур заездил?..

Поллион с Альбином переглянулись — Цезарь угадал их мысли.

— Нет, но... — осторожно начал молодой легат, однако полководец не дал ему договорить:

— Я не собираюсь повторять Фарсал — здесь этого уже не получится...

— Почему? — вмешался Альбин.

Цезарь улыбнулся сухими, морщинистыми щеками:

— Те юнцы, которым мои ветераны совали мечи в физиономии, — уже возмужали. Теперь они не боятся себя обезобразить, а наоборот — гордятся ранами и шрамами, полученными в бою...

— Тогда почему десятый? — настаивал Альбин.

В палатку вошёл центурион Манилий:

— В лагере Помпеев заметно движение...

Цезарь кивнул приближенным:

— Пойдём — поглядим...

Они вышли наружу и сразу угодили под насторожённые взгляды солдат. Легионеры неспешно бродили по лагерю, стараясь не слишком удаляться от своих палаток, где хранилось вооружение и припасы. Цезарь, по обыкновению, перекинулся несколькими фразами со встречными, многих из которых он знал по имени и помнил в лицо. Солдаты отвечали охотно, но без особого одушевления. Не прозвучало ни единого преданного, восторженного возгласа.

Свита Цезаря не решалась встречаться с ним взглядами, однако диктатор этому не удивлялся. Его узкое, длинное лицо сделалось похожим на лезвие меча — тонкие губы обратились в щель, подбородок выдвинулся вперед, кончик носа заострился. И речь стала рубленой и короткой.

— Коня! — распорядился диктатор.

А вокруг бушевала короткая, яркая испанская весна, грозившая совсем скоро обратиться в знойное иссушающее лето. Полководец по опыту знал, как изнурительно и тяжело вести боевые действия в эту одуряющую жару, когда не хватает сил даже поднять руку, а не только обоюдоострый меч. Да плюс к тому надсадное бремя панциря, шлема, наплечников... А с каким трудом заживают раны! И какой удушающий смрад доносится с поля сражения вскоре после битвы...

Диктатору подвели коня. Когда-то Гай Юлий Цезарь слыл великолепным наездником — это отмечали все, даже его враги и завистники. Но теперь центурион подставил ему крепкие ладони, и полководец упёрся в них левой ногой, поднатужился и вскочил в седло. Римляне обходились без стремян — они вовсе не подозревали об их существовании. Разобрав поводья, диктатор подождал, пока подъедет свита, и тронул ногою коня...

Легионеры, побросав все дела, молча наблюдали за происходящим, понимая, что на их глазах совершается нечто важное и значительное, вероятно, грозившее закончиться вскоре грандиозной баталией. Однако они не горели желанием в ней участвовать...

Лошади перешли на рысь и оказались за чертою лагеря. На Цезаре был короткий походный плащ, грудь полководца покрывал лёгкий доспех, на голове колыхался шлем с конским плюмажем. Поллион старался не отстать от диктатора, даже чуть выдвинулся вперед, словно намереваясь заслонить его собой при неожиданном налёте.

Всадники проскакали почти с десяток стадиев от лагеря вдоль крутого берега реки. Внизу, под обрывом, шумели быстрые, тёмные волны. Цезарь прекрасно знал местность и помнил, что ещё через двадцать стадиев с рекой сливается бурный поток и именно там расположились лагерем сыновья Помпея. Позиция была очень выгодной для них: оба фланга противника защищала естественная преграда — воды обеих рек.

Впереди послышались шум и голоса. Несмотря на предостережения свиты, Цезарь, горяча коня, галопом выскочил на вздыбленный пригорок и замер. Приближенные поспешили за ним. Слева, на заметном расстоянии, где русла двух рек образовали острый угол, суетились тёмные фигурки людей.

— Они наводят мосты, — негромко, словно самому себе, пояснил Цезарь.

— А если ударить по ним, когда они начнут сюда переходить? — предложил Поллион.

Полководец, мельком взглянув на него, перевёл взгляд в направлении противника:

— Для быстрой и мощной атаки у нас нет людей...

— А десятый легион? — напомнил Альбин.

— Эти старики уже не могут бегать...

— И что мы будем делать? — забеспокоился центурион Манилий.

— Трубить сбор и отходить... — лицо Цезаря было сурово и сосредоточено.

— Куда?!

— К тому городишке, что возле Кордубы. Он называется Мунда. И надо разрушить за собою мосты...

Всадники поспешно развернулись и поскакали назад. Поллион чуть приотстал от полководца, по дороге пытаясь понять — почему тот отказался осуществить стремительный и точный удар, которым всегда был силён и знаменит? «Видимо, годы всё-таки берут своё. Старик устал и утратил смелость»... — философски подумалось молодому легату.

6

Сапёры, возводившие мост, увидели на той стороне реки кучку всадников, наблюдавших за их работой.

— А вон там, кажется, сам Цезарь! — один из солдат показал на высокую, тощую фигуру, торчавшую на вершине холма.

— Где? — спросил Секст, следивший за постройкой моста.

— Вон, на самой макушке...

Сапёры разом побросали топоры и лопаты. Тёмные силуэты всадников сгрудились тесной группой и почти не шевелились.

— Смотрят. Принимаются... — сосредоточенно заметил один из солдат, и в голосе его прозвучало плохо скрытое уважение к грозному противнику. Как-никак за ними наблюдал непобедимый Цезарь! Но всадники вдруг развернулись и пропали, словно их ветром сдуло.

— За работу! — распорядился Секст.

Упоминание о Цезаре явно встревожило младшего сына Помпея, однако он изо всех сил старался скрыть волнение от окружающих. Ему вновь вспомнился Фарсал, когда они с Гнеем чудом избежали гибели. Если бы не сильные, выносливые лошади, унёсшие братьев с поля битвы, — им бы не довелось продолжить эту изнурительную войну...

Их отец — Великий Помпей — был тогда безмерно потрясён и раздавлен сокрушительным разгромом, который учинил ему хитроумный противник. Сыновья, прискакав к палатке отца, с трудом узнали его — испытанный полководец, которого никогда не оставляло самообладание и выдержка, казалось, растерял все мысли и слова. Он сидел, поражённый громом, и не отзывался ни на какие оклики и увещевания. Братьям пришлось спеленать его, как младенца, и спешно увозить как можно дальше от места сражения...

— А не готовят ли нам тут западню? — голос сапёрного начальника вернул Секста к действительности. Младший Помпей внимательно оглядел противоположный берег — тот был крут и обрывист:

— На их месте я бы так и поступил. Позиция — лучше не придумаешь... Сделаем так: пока мы наводим мост, наши разведчики всё досконально прощупают, а с переправой не будем спешить. Всему своё время...

Сапёрный начальник возражать не стал. Не особо веря в полководческие таланты обоих братьев, он исполнял свой долг перед покойным Помпеем и потому подчинился.

Секст ещё и ещё раз внимательно осмотрел место будущего перехода, согбенные спины и крепкие руки легионеров, с натугой вбивавших дубовые сваи в дно бурной реки. Их умение и настойчивость ободрили молодого предводителя — он вскочил на коня и поспешил в лагерь...

Старший брат Гней, собрав в палатке легатов и центурионов, обсуждал с ними план будущего сражения. Все сошлись на том, что битва начнётся тотчас же, как только легионы станут переправляться на правый берег. Собравшиеся, в числе которых находились и бывшие сподвижники Цезаря, теперь изменившие ему, слишком хорошо знали своего полководца — его излюбленным приёмом слыла стремительная атака...

— Мы даже не успеем закрепиться, как он ударит нам в лоб! — настаивал один из легатов, герой галльской войны Лабийен.

— Они что — дадут нам переправиться или будут теснить нас прямо на мосту? — вмешался одноглазый центурион.

— А какая в этом разница?.. — перебил Гней.

Одноглазый не согласился:

— Большая. Тогда мы сможем отойти...

Военачальники заспорили. Одни предлагали форсировать реку не только по мосту, но даже вплавь, чтобы иметь возможность рассредоточиться и растянуть оборону противника. Тогда он не сумеет начать быструю и кучную атаку. Другие предлагали не торопиться и попытаться выманить врага из лагеря, а там будет видно...

Во время этих споров в палатку вошёл младший Помпей.

— Ну, что там? Как строится переправа? — встретил его вопросом Гней.

— Вполне успешно... — Секст сделал паузу и неожиданно прибавил: — Сам Цезарь принимал нашу работу...

— Что?! — хором воскликнули военачальники. — Цезарь видел всё?!..

Секст усмехнулся:

— Стоял — наблюдал, как сапёры вбивают сваи!..

Собравшиеся тревожно переглядывались — лихая бравада, прозвучавшая в словах младшего Помпея, настораживала их. Магическое воздействие имени прославленного полководца и непоколебимая вера в успех, неизменно ему сопутствовавший, делали своё дело. Его соперники робели, и теперь все стали лихорадочно думать о том, какой сюрприз их ждёт? И каждый не торопился вслух говорить об этом, дабы не выставить себя в неприглядном виде. Старший из Помпеев внимательно всматривался в лица помощников, ожидая разумного совета, но встречал лишь косые, уклончивые взгляды...

За тонкими стенами палатки раздались громкие голоса и быстрые шаги. Командир разведчиков решительно откинул полог. В него упёрлись более двух десятков пар глаз и единственное око одноглазого центуриона, глядевшее наиболее зорко и взыскующе.

- Они отходят... — поспешно доложил вошедший.
- Куда?!.. — чуть не хором воскликнули военачальники.
- На восток, вверх против течения реки...

Собравшиеся зашевелились. У каждого вертелось на языке одно: противник отступает — однако никто не отважился заявить об этом вслух, помня, что речь идёт о Цезаре.

— Какое настроение у его солдат? — неожиданно спросил Секст.
— Поганое, — охотно ответил разведчик, — воевать они не торопятся, а один манипул попросту сбежал...

- К нам? — с надеждой в голосе спросил старший Помпей.
- Нет, куда-то в горы...
- Наверняка это будет засада!.. — пронизательно заметил Лабиен.

Одноглазый центурион презрительно усмехнулся:

- Две сотни легионеров? Да мы их просто раздавим!

Чувствовалось, что он горит нетерпением начать схватку и отомстить за свой обезображенный вид. Правый глаз и щеку ему продырявили под Фарсалом. Братья поняли, что большинство приближенных склоняется к тому, чтобы как можно скорее начать переправу.

- Добро! — согласился Гней, — Тогда за дело...

Военачальники стали спешно покидать палатку.

7

Египетская царица Клеопатра, прибывшая в столицу осенью прошлого года, разместилась на вилле среди пышных садов на правом берегу Тибра. Эту виллу подарил ей Цезарь. Многочисленные слуги, верные рабы и няньки (молодая египтянка привезла в Рим маленького сына Цезаря — Цезариона) заполняли все жилые уголки. Темнокожие, суетные, полуголые и шумливые, они изумляли горожан, не привыкших к такому количеству прислуги. Рачительные римляне понимали, что всю эту бесчисленную ораву нужно кормить и одевать, а годы спустя кое-кому из них желательно дать свободу. Но юная царица Египта, кажется, совсем не думала об этом...

Она была средней дочерью внезапно умершего царя Птолемея XII и, по стародавним обычаям и законам, предназначалась в супруги своему брату Птолемею XIII. Только загвоздка заключалась в том, что брат был моложе сестры на четыре года и не представлял для неё ни малейшего интереса.

Клеопатра с ранней юности росла девушкой самонадеянной, настойчивой и честолюбивой. Такой же была её старшая сестра Береника, казнённая их отцом за дерзкую попытку захватить трон. Главный царский евнух Потин, в обязанности которого входило наблюдение за женской половиной дворца, давным-давно отметил острый ум и упорство средней дочери царя. Это его настораживало и пугало.

Птолемей XII не отличался завидным здоровьем, а зависимое положение от неуёмного и могучего Рима, постоянно затевавшего войны то с соседями, то с самим Египтом, не давало покоя ни бедной стране, ни её властителю. Его далёкий-далёкий предок Птолемей Авлет, бывший одним из удачливых сподвижников Александра Македонского, захватив эти земли и сместив законных правителей, стал родоначальником новой правящей династии. Грек, взошедший на трон, принял веру и обычаи покорённой страны, став, по сути, египетским фараоном.

Клеопатра носила греческое имя, свободно говорила по-гречески, так же легко владела коптским, финикийским, арамейским, арабским, латынью. А её родные знали только греческий язык.

Верховный евнух Потин был природным египтянином, верно служившим своим властителям. Как и его соплеменники, покорно принявшие власть чужеземных захватчиков, он не пытался бунтовать и самоуправствовать, подсознательно ощущая, что его бедная страна слишком изнемогла и одряхла, чтобы противостоять молодым, полным здоровья и сил, соседям. Единственное, чему он мог следовать и втайне предаваться — собственной изворотливости и умению ловко манипулировать людьми. Это у него великолепно получалось с покойным Птолемеем XII.

Столь же успешно началось и царствование его сына. Мальчик почти боготворил своего наставника — ведь тот научил его всем тонкостям и премудростям в отношениях с главным сокровищем дворца — обитательницами большого гарема. Юный отрок, едва-едва достигнув половой зрелости, с восторгом и жаром новообращённого окунулся в пьянящий мир плотских утех. А хитрый евнух, неповоротливый, гладкий и

тучный, с лицом, похожим на спелую дыню, прятал хитрые глазки за припухлыми веками и сообщал своему воспитаннику всё новые и новые ошеломляющие подробности касательно прекрасных затворниц. Казалось, будто он знал их всех вдоль и поперёк и пробовал не однажды. Хотя юный Птолемей понимал, что это никак невозможно.

Но главное, к чему настойчиво готовил Потин будущего фараона — это умению управлять и властвовать над супругой. А ею должна была стать его средняя сестра, которую Птолемей избегал и боялся. При жизни отца они частенько встречались — этого требовали дворцовые правила и желание самого царя, но никогда не оставались наедине, не общались и даже не разговаривали...

Взрослея, Птолемей стал замечать, что сестра с иронией и презрением смотрит на него как на незадачливого мальчишку, случайно забредшего в дворцовые покои. Она даже не могла себе представить, что однажды выйдет замуж за этого несмышлёныша и ляжет с ним в одну постель...

Но давние, неведомо когда укоренившиеся египетские законы требовали, чтобы члены правящей семьи вступали в брак только друг с другом, — и потому Клеопатра, мечтавшая и видевшая себя царицей, скрепя сердце готовилась к вынужденному союзу с этим жалким подростком.

Свадьбу сыграли без особой пышности, только затем, чтобы простой люд знал — правящая династия не пресеклась и всё в их древней, любимой Богами стране движется по извечным законам и нерушимым традициям...

Могущественный властитель гарема понимал, что его главный враг и соперник — строптивая и проникательная жена мальчишки-фараона. И, пользуясь своим безграничным влиянием на него, её нужно немедленно устранить. Можно придушить или зарезать, но лучше отравить. Так надёжней и тише...

Однако Клеопатра предусмотрительно сбежала. Сбежала, как простая служанка или рабыня, толком не зная, чем обернётся её дальнейшая судьба. И трудно предположить, что случилось бы дальше — не начнись кровопролитная война между Цезарем и Помпеем. И не окажись Великий Помпей после поражения под Фарсалом в далёком Египте...

Здесь его ждали и не ждали. Помнили, что тридцать лет назад он, тогда ещё молодой, но невероятно удачливый полководец, блистательно начинал военную карьеру. Воюя на севере Африки, вблизи самих границ Египта, двадцатипятилетний триумфатор громил остатки вражеской армии, и жители древней страны замерли в страхе — а вдруг он чересчур увлечётся и мимоходом завоюет их тоже? Но бравый военачальник оставил египтян в покое ещё и потому, что на престол взошел отец Клеопатры — Птолемей XII, весьма подобоострастно относившийся к Риму.

И вот теперь Помпей явился на окраину империи — разгромленный, униженный — не в ореоле былой славы, а в жалком рубище изгнанника и просителя. Юный Птолемей XIII, а вернее — главный евнух Потин с притворной радостью принял беглеца. Хитрый придворный сразу сообразил, какие выгоды и преимущества сулит ему это гостеприимство...

И стоило старому, несчастному полководцу чуть-чуть прийти в себя и расслабиться, как преданные слуги коварного скопца отрезали Великому Помпею голову и отнесли её в дар победоносному Цезарю. А Клеопатра в это время скиталась в окрестностях Александрии, не зная, что предпринять...

Однако напрасно изворотливый Потин надеялся на благодарность и признательность римлян — его угодливый поступок показался властителям мира кощунственным и варварским. Цезарь, заняв Александрию, разгромил египетскую армию и флот, казнил главного евнуха, сместил с трона фараона-недоросля и посадил на него Клеопатру, которую доставили ему прямо в спальню в постельном мешке...

Дерзкую хитрость измыслила сама отчаянная авантюристка, настолько восхитив этим Цезаря, что он тут же проникся к ней симпатией и восторгом. Впрочем, на его месте любой пятидесятидвулетний мужчина несказанно бы обрадовался тому, когда, в качестве подарка, ему предложили бы свежую, очаровательную, двадцатилетнюю молодку, способную на невероятный, экзотический поступок!

Клеопатра не отличалась блистательной, обворожительной внешностью, которую ей приписала угодливая людская молва, всегда склонная к простым, удобным оценкам, — секрет её обаяния скрывался в другом. Изворотливая гречанка в отношениях с мужчинами всегда представляла в том образе, в каком её хотели и мечтали видеть. А заговорив с полководцем на его родном языке и охотно приняв его ухаживания, она мгновенно добилась результата...

Победоносный Цезарь даже на время оставил свои каждодневные, изнурительные, тягостные заботы и предался сладостным любовным утехам, явно обеспокоив этим ближайшее окружение. Его приближенные опасались пагубного влияния Востока на судьбу своего военачальника. Трагический пример Александра Македонско-

го ещё не выветрился из людской памяти. Но Цезарь и тут не ударил в грязь лицом — посадив юную любовницу на трон и сотворив ей наследника, он вновь окунулся в бездонный омут битв и завоеваний...

Однако царица Египта отнюдь не слыла той женщиной, которую возможно, даже на время, куда-то задвинуть. Родив маленького Цезариона и зная, что у его отца нет сыновей, Клеопатра отважно направилась в Рим, вызвав переполох не только в семье диктатора и у его жены Кальпурнии, но и среди простых горожан...

Приём, которым её встретили, не был чересчур торжественным, пышным и радостным — ведь приехала властительница далёкой, загадочной, неведомой страны, притулившейся где-то на задворках мировой империи. И зачем-то привезла отпрыска их всесильного диктатора. Конечно, её стоит приютить и обласкать, только особо церемониться с ней не следует...

Цезарь так и поступил — он поселил её в роскошном поместье, побывал у бывшей любовницы с официальным визитом, маленького сына погладил по головке и отбыл на войну в Испанию. Клеопатра осталась на положении то ли гостьи, то ли заложницы...

8

Известий из далёкой Испании приходилось дожидаться неделями, если не месяцами, и Гай Требоний совсем извёлся. Ситуация, в которой он пребывал, казалась на редкость двусмысленной. И сторонники, и противники Цезаря твёрдо знали, что у диктатора не было более надёжного и преданного помощника, чем Требоний. Однако же в самые тяжёлые и судьбоносные минуты этот помощник вдруг оставляет своего патрона и появляется в столице. Почему и зачем?..

Большинство полагало, что диктатор не вполне доверяет нынешнему якобы главе государства — Марку Антонию — и потому отправил наблюдать за ним Гая Требония. Эти мысли разделял и сам Антоний...

Придя в себя после очередного загула, он без приглашения явился в дом бывшего наместника Испании и проворчал чуть ли не с порога:

— Ну, что? Отправил очередной донос? Молодец! Продолжай в том же духе...

Требоний, хорошо зная задиристую, взрывную натуру своего гостя, ответил спокойно:

— Угомонись, Марк! Цезарю сейчас не до нас... Какие тут доносы?..

Высокорослый, атлетичный Антоний свысока окинул немногословного, коренастого хозяина, секунду подумал и спросил с сомнением:

— Дела его так плохи?.. Да неужели? А ну, поделись!..

— Хуже некуда...

Гость недоверчиво окинул взглядом бывшего наместника и напомнил:

— Ты не забыл Фарсал?.. — и не успел Требоний ответить, как прозвучал очередной вопрос: — А битву при Зеле? И ещё Тапс?..

Хозяин бросил глухо:

— Не забыл... Что ты хочешь этим сказать?

— А то, — внушительное лицо Антония напряглось и затвердело, — всегда и всюду наша жизнь висела на волоске... И, между прочим, его тоже...

— Но когда-то этот волосок должен оборваться... — едва слышно обронил хозяин.

— Как у Великого Помпея... — гость замолчал. Требоний жестом пригласил его в столовую: — Проходи. Отобедаем...

Антония мучило похмелье, и он всегда был не прочь подзакусить, даже не гнушался, при случае, перехватить кое-что на зубы из солдатского котла. Чем, кстати, очень нравился простым легионерам. Те считали его «своим парнем»...

Пройдя за хозяином в триклиний, Антоний с шумом уместил своё массивное тело на просторном ложе и, пока слуги накрывали на стол, спросил как бы невзначай:

— Если у Цезаря всё далеко негладко, как же он отпустил тебя? Своего ближайшего помощника... Как-то странно...

Требоний ждал этого вопроса и ответил вполне искренне и убедительно:

— Мой отец лежит при смерти. А жена вот-вот должна родить... Что прикажешь делать?..

— Помпей был женат на дочери Цезаря, однако это не помешало тому...

— Но я не Цезарь! — оборвал его хозяин и Антоний почувствовал, что за этой фразой скрывается нечто большее, чем простое недовольство.

Слуги принесли вино, закуски, и аппетит у гостя тут же разыгрался. Он без промедления налил себе чашу вина, жадно выпил её всю и навалился на еду...

Требоний, снисходительно поглядывая на Антония, был уверен, что желания и настроение у бесшабашного гуляки и обжоры быстро переменятся. Тот, сыто рыгнув, чуть отодвинулся от стола:

— Обстановка в городе мне не нравится. Мерзко как-то...
— А что такое? — хозяин постарался не выказывать явный интерес, и, похоже, ему это удалось.

— Все разбежались по норам, как крысы, затаились и чего-то ждут... А чего ждать?..
— Антоний брезгливо оттопырил крупные сочные губы. Требоний пожал плечами:

— Это как раз понятно. Никто не знает, что случится дальше...

Гость пристально посмотрел на него, помолчал и задал вопрос прямо в лоб:

— А разве Цезарь не делился с тобой своими планами? Как-то не верится...

— Планами? Относительно чего?..

Антоний подумал, но ответил довольно путано:

— Ну, что он собирается делать потом. Когда вернется из Испании. Или он ничего не говорил?..

— Но сначала нужно победить! — многозначительно обронил хозяин.

Странно, но Антоний больше не стал задавать пристрастных, докучливых вопросов, а начал жаловаться на жизнь, которая, как оказалось, была полна досадных забот и неурядиц. Это представилось ещё более удивительным для бывшего наместника, прекрасно осведомлённого, что его гость, облачённый властью и полномочиями, проводит дни в бесконечных кутежах и распутстве.

Однако главная беда, как неожиданно выяснилось, таилась совсем рядом — столица была наводнена злобными и лютыми врагами, когда-то милостиво прощёнными диктатором.

— Ну ответь ты мне, — большое лицо Антония напряглось и покраснело, — зачем он их пощадил?..

— Кого?..

— Бруга, Кассия, того же Цицерона... — по тону чувствовалось, что этих имён был не один десяток и вряд ли нужно их перечислять.

Требоний попытался объяснить:

— Но нельзя же резать всех без разбора! В конце концов — это наши близкие и дальние родственники, бывшие друзья и соседи... Сограждане, между прочим...

Антоний не согласился:

— А те, что воюют в Испании?.. Они тоже наши соотечественники... А Гнея и Секста я помню вот с таких лет! — он поднял над столом широкую ладонь. Хозяин вздохнул:

— Мы ведь убили их отца...

— Не мы, а этот египтянин! Вонючий евнух Потин...

Требоний искоса глянул на собеседника:

— Ну, допустим... — он сделал паузу и прибавил: — А если бы Цезарь взял Помпея в плен — он что, обнял бы его и расцеловал?! Как своего бывшего зятя?..

Антоний смешался. Видимо, подобная мысль не приходила ему в голову, и ближайший друг диктатора не знал, что ответить.

— Ну, едва ли... — выдавил он через долгую паузу, видя настойчивое ожидание хозяина.

— И значит, — снисходительно усмехнулся тот, — этот гнусный евнух не только исполнил тайное желание Цезаря, но даже избавил его от рокового шага...

— Какого? — Антоний недаром слыл тугодумом, хотя виною этому часто слыло беспробудное пьянство.

— Убийства Великого Помпея... — Требоний выразительно чиркнул себя ребром ладони по горлу и подмигнул. — А восточные люди умеют угодить своим повелителям, только не всегда получают в ответ благодарность!..

— Какая уж тут благодарность!.. — мрачно пробурчал гость.

На этом почти закончился его неожиданный визит. В глубине души Антоний немного успокоился относительно своего положения фактического главы государства. Требоний, по всей вероятности, явился вовсе не за тем, чтобы надзирать и контролировать его. Однако разговор заметно встревожил атлетичного консула.

Играя роль прямодушного, преданного и простоватого друга диктатора, Антоний на деле был далеко не так прост. И в глубине души его порядком угнетала безграничная, неотвратимая зависимость от желаний и поступков Цезаря. Вот только освобождаясь от неё не было никакой возможности.

— Я, пожалуй, пойду... — с усилием подняв своё громоздкое тело, глава государства неспешно оставил застолье. — Спасибо, приятель, за обед...

Требоний понимал, что Антоний встревожен и растерян. Ведь если диктатор будет разбит, что не исключено, то дальнейшая его судьба может оказаться плачевной. Конечно, он не станет валяться в ногах у победителей, вымаливая себе прощение, — придется повоевать, однако это ему давным-давно обрыдло.

Хозяин проводил гостя до калитки. Они довольно мирно и дружелюбно распроща-

лись, и основательно нагрузившийся сподвижник Цезаря с трудом уселся в носилки. Восемь крепких рабов поместили их на плечи и дружно зашагали, матерясь про себя. Формальный глава римской державы ощущал весомую тяжесть в желудке, но ещё более тяжко было у него на душе...

9

— Ты что, не веришь в их воинские способности? — Кассий настойчиво добивался ответа у своего давнего приятеля Брута.

Прямой, желчный Брут бросил коротко:

— Не верю...

— Но почему?!..

Брут, резко откинув со лба густые седеющие волосы, пренебрежительно усмехнулся:

— Ты сам знаешь — почему...

Кассий с минуту внимательно созерцал своего собеседника, как будто видел его впервые, потом сказал спокойно:

— При Фарсале они были мальчишками... Гнею — двадцать три, а Сексту — двадцать лет... Чего же ты от них хотел?..

Брут ответил, не раздумывая:

— Сейчас они немногим старше...

— Согласен. Но тогда всем командовал сам Помпей. И ты, между прочим, во всём с ним соглашался. А их никто ни о чём не спрашивал!.. — Брут насутился. Правдивые доводы приятеля смутили его. Кассий не отступал: — Сейчас дела у Цезаря идут неважно. А Гней и Секст собрали довольно солидную армию — у них в полтора или два раза больше сил, чем у диктатора...

— При Фарсале, между прочим, конница Цезаря была в семь раз меньше, чем у нас!.. — упрямо пробурчал Брут. Собеседник не возражал:

— Верно. Но тогда всё решила тяжёлая пехота...

Друзья замолчали. Оба мучительно переживали свое сокрушительное, постыдное поражение на греческой земле. И великодушное, снисходительное прощение от заклятого врага.

— Требоний в Риме, — буднично сообщил Кассий.

— Я знаю, — голос Брута прозвучал спокойно и бесстрастно.

Приятель покосился на него и добавил, как будто недоумевая:

— Он затворился в своей вилле. Никуда не ходит, никого не принимает...

— У него отец при смерти. Видимо, поэтому его и отпустили...

Гай Кассий слыл не только другом Брута, но и близким родственником — он в своё время женился на его сестре и был обязан шурина жизнью. Это по просьбе Брута Цезарь помиловал давнего врага. Но пережив позор, страх и унижение, Кассий довольно быстро пришёл в себя и не собирался угождать своему благодетелю... Он всерьёз подозревал, что диктатор, великодушно подарив ему жизнь, действовал не по сердечной доброте и кротости, а желая потрясти этим падкую до слухов римскую толпу. Цезарь-де велик во всём — и в гневе, и в милосердии...

— Любопытно бы знать, зачем сюда пожаловала эта египетская царица?.. — Кассий решил перевести разговор в другое русло.

Но Брут не придавал визиту очаровательной египтянки особого значения, полагая, что это внутрисемейные интриги.

— Она надеется на долю в наследстве, я думаю...

— А не хочется ли ей посадить нам своего отпрыска на шею? — пронизательно заметил Кассий.

— Посадить нам? В качестве кого?..

Собеседник слегка озадачился:

— Ну, мало ли... — и тут же нашёлся: — А вдруг Цезарь, в конце концов, победит и сам потребует себе царские почести? Тогда маленький Цезарион станет единственным наследником...

— У нас, в Риме?! — Брут убеждённо возразил: — Это вряд ли... Мы живём в свободной республике, а не в восточной деспотии...

Кассий иронично усмехнулся:

— До деспотии, кстати, остался один шаг. Цезарь назначает и смещает консулов, плюет на законы и сенат. Развязал в стране гражданскую войну...

— Он бы её прекратил, если бы не сыновья Помпея... — не согласился Брут.

Кассий озадаченно посмотрел на шурина:

— А кто перешёл Рубикон и занял Рим? От кого мы бежали, сломя голову? Побросав своих родных и близких...

Друг и родственник не отвечал. Он понимал, что в словах зятя звучала грубая, неприкрытая правда. Только не вся целиком, а лишь её малая часть. Он посмотрел в лицо собеседнику и покаянно сощурился:

— Мы тоже во многом виноваты...

— Виноваты? В чём?!..

— Почти десяток лет эта кошмарная тройца — Помпей, Цезарь и Красс — безраздельно влияла на жизнь Рима, и мы позволяли им это делать... — Брут развёл руками.

— Великий Помпей, сказочный богач Красс и победоносный Цезарь!.. Потом богач решил заполучить лавры полководца и позорно проиграл битву...

— Поделом парфяне залили ему в глотку расплавленное золото... — вставил Кассий.

— Вот-вот, Красс получил то, чего хотел всегда! — шурина усмехнулся. — А мы-то сами каковы? Оказавшись между двух огней, мы стали лихорадочно выбирать — который из них безопаснее? Чтобы он нас обогрел, освещал и ни в коем случае не спалил!..

Кассий попытался возразить:

— Но ты же сам поддерживал Помпея!..

— Я этого не отрицаю... Но суть в том, что эти честолюбцы, дельцы и авантюристы вовлекли всех нас в свою бесчестную игру, где побеждает только самый изворотливый и коварный. Порядочному человеку там нет места!..

— И потому ты решил выйти из неё?..

Брут с ответом не торопился. Он понимал, что его слова имеют особую цену.

— Это не так-то просто. Мне пришлось бы убираться отсюда на край света, если не дальше...

— Тогда почему ты не веришь в победу сыновей Помпея?..

Брут скорбно улыбнулся:

— Мне хотелось бы этого больше, чем всем остальным. Но я, как никто, знаю живучесть и неукротимость Цезаря... В любом, самом безнадежном положении он сумеет найти неожиданный и спасительный выход. Как под Фарсалом...

Кассий утрумо молчал.

10

С раннего утра Цезарь был бледен, как мел. Стороннему человеку могло показаться, что диктатора совсем оставляют силы. Поллион с Альбином подозревали, что с ним вот-вот может случиться припадок. И тогда наступит полная катастрофа.

— Что будем делать? — вкрадчивым шепотом спросил легат у товарища, показывая глазами на полководца, но тот всё-таки услышал.

— Стоять насмерть! — Цезарь повернул голову на тонкой, жилистой шее.

Его сухое старушечье лицо со впалыми щеками и острым подбородком казалось безжизненным, точь-в-точь скелет, обтянутый кожей. Поллион и Альбин ужаснулись, и нехорошее предчувствие шевельнулось в душе обоих.

— Вот и начались Либералии!.. — голосом, изменившимся почти до неузнаваемости, воскликнул диктатор.

За стенами палатки раздался далёкий, невнятный шум. Будто совсем случайный и беспорядочный. Невольный свидетель вряд ли бы догадался — откуда он исходит и кому принадлежит? И почему поминутно нарастает? Так шумит река в весеннее половодье...

— Они перешли на наш берег?!.. — Цезарь взял в руки свой алый плащ.

— Скорее всего... — озадаченно ответил Альбин.

— Тогда вперед! — негромко, словно самому себе, скомандовал диктатор и решительно шагнул из палатки.

В свете занимающегося утра все лица и фигуры казались призрачными и нереальными. Двигаясь молча и бесшумно, они будто бы исполняли какой-то судорожный, заговорённый танец: сбегались и разбегались, хватались за мечи, щиты и копья...

Альбин и Поллион сразу догадались, что среди солдат царила паника. То бездумное, отрешённое состояние, когда человек забывает, где у него голова, руки и ноги... Ещё секунда — и вся эта бессмысленная, обезумевшая орава кинется куда попало и не будет никакой возможности удержать её...

— Солдаты! За мной!.. — прозвучал бодрый, властный приказ Цезаря, и впереди мелькнул его алый плащ.

Легионеры бросились за ним, как люди, заблудившиеся в ночи, спешат навстречу пламени горящего костра...

Ещё вчера Поллион, предчувствуя возможную неудачу, уговаривал Цезаря не надевать этот плащ, но сейчас... Альбин, ухватив легата за локоть, словно пытался удер-

жать его, не давая ему преследовать полководца, но Поллион решительно вырвал руку и бросился вдогонку за Цезарем...

Их лагерь стоял на берегу, под стенами городишки Мунды. И, взбежав на склон, диктатор и приближенные увидели, что враги, растянувшись длинной, нестройной цепью, вброд переходят реку. Она в этом месте была неширока, а единственный мост диктатор приказал снести...

— Десятый легион! К бою!.. — высокий, срывающийся голос Цезаря тщетно сидел перекрыть беспорядочный, отчаянный, пугающий гвалт, царивший вокруг...

Легионеры, высыпавшие на кромку берега, с тревогой следили, как солдаты противника упорно и решительно штурмовали водную преграду. Цепко подняв над головами мечи, щиты и дротики, они грудью отсекали бурный поток, упрямо двигаясь навстречу врагу...

— Бейте их, пока они мокрые, как щенки!.. — звенел призыв полководца, но никто ему не подчинился.

Передовые отряды армии сыновей Помпея уже очутились на твёрдой земле и безо всякого промедления приготовились к атаке. Поллион почувствовал, как липкий сосущий страх подступает ему к горлу. Беспорядочное воинство противника на глазах перестраивалось в центурии, манипулы и когорты, оцетинившись мечами и копьями... Ещё несколько минут, и эта стройная, сплочённая, грозная сила неумолимо двинется вперёд, и удержать её не будет никакой возможности!..

— Не давайте им строиться! Бейте их!.. — алый плащ Цезаря метался вдоль берега, как мечется язычок пламени догорающего костра по груди серого пепла. Диктатор оседлал гнедого жеребца, чтобы сверху видеть всё...

А нескончаемая армада воинов на противном берегу всё прибывала и прибывала, бесстрашно преодолевая водную преграду. Казалось даже, что река обратилась в ручей или повернула вспять, оттеснённая густой людской массой...

Накануне битвы Поллион с Альбином выспрашивали Цезаря — почему он решил отступить и уйти за реку, точнее, за её правый приток?

— Надо измотать их и сбить с толку, — убеждал приближенных диктатор, — они возьмут одну водную преграду, потом другую и выдохнутся... Исчезнет весь боевой задор!..

— А если не исчезнет?.. — засомневался Альбин.

Полководец бросил на него быстрый, укоризненный взгляд:

— Неужели ты думаешь, что эти двое молокососов сумеют вдохновить солдат? Заставят их дважды рисковать собой?! Это вряд ли!

И вот теперь самонадеянное предвидение Цезаря провалилось с треском и грохотом. А самое печальное и ужасное, что его легионеры, глядя на обрастающее всё новыми и новыми рядами войско противника, словно оцепенели. Необозримое и нескончаемое число врагов и их свирепый и беспощадный вид заставили солдат диктатора утратить мужество и веру в себя...

— Десятый легион! В атаку!.. — отчаянно голосил полководец, видя, как передовые отряды врагов умело и отважно карабкаются на обрывистый склон сплочёнными рядами... — Рассекайте их! Тесните! Смелее!..

Но куда там! Матёрые вояки из последних сил пытались удержать эту плотную, упругую, неподдающуюся стену, стараясь пробить в ней хоть какую-то брешь... Тщетно!..

— Ветераны!.. — носился за их спинами алый плащ и надсадный вопль Цезаря. — Если вам не стыдно — выдайте меня этим мальчишкам!.. Свяжите и выдайте!.. Или отрубите мне голову!.. Не позорьте своего императора...

Легионеры чуть приободрились. Дружнее застучали мечи... Вражеская цепь подавлено заколыхалась...

11

На вилле Клеопатры царили суета и лёгкая паника. Хозяйка не знала, как ей поступить — то ли изображать из себя гордую владычицу загадочной, чужой страны, то ли предстать в облике радушной матроны, принявшей обычаи и нравы Рима...

— Что мне делать, Фтататита? — приводя себя в порядок, спрашивала она у любимой служанки.

Пожилая египтянка, привыкшая подчиняться любой могущественной руке, ответила покорно:

— Принять её с почётом и уважением...

— А зачем она сюда явилась?

— Чтобы увидеть свою соперницу... — тихо обронила служанка, пряча зоркие, неувидимые глаза.

— Ты думаешь — это просто любопытство? — настаивала госпожа.

— Конечно. Она ведь женщина...

Клеопатра нервно прошла по залу и хлопнула в ладоши. Появился рослый крепкий слуга.

— Пригласи госпожу Кальпурнию... — распорядилась хозяйка, обретая уверенность и спокойствие. Она вполне справилась с собой, только в небольших карих глазах затаилось лёгкое волнение.

Жена Цезаря неспешно вошла в зал. Одета она была с достоинством и скромностью, подобающей замужней римской матроне, — в светлую длинную тогу и свободную накидку, чуть драпирующую голову, плечи и талию. Обе женщины с затаённым любопытством посмотрели одна на другую...

Кальпурния прекрасно знала все подробности знакомства своего супруга с юной египетской царицей — об этом говорил весь Рим. Кстати, и сам Цезарь не делал ни малейшего секрета из романтической истории с чужеземной оболъстительницей.

Смелая египетская царица переживала явное смущение — ей дотоле думалось, что супруга Цезаря значительно старше, суровой и угрюмее, а тут перед нею предстала довольно молодая, стройная, привлекательная, обаятельная женщина. И лёгкая ревность шевельнулась в душе египтянки.

— Прошу садиться, — широким, почти царским жестом пригласила она нежданную гостью, указывая на дорогой, инкрустированный янтарём и слоновой костью стул. Кальпурния спокойно опустилась на него. — Распорядись принести нам вина и фруктов, — по-египетски обратилась хозяйка к Фтагатите, — гостя удивлённо подняла брови — она знала только родной язык. — Цезарь все ещё в Испании?.. — свободно перейдя на латынь, повернулась к ней Клеопатра.

— По всей вероятности, да...

— И никаких от него вестей?

— Увы, никаких...

Слуги внесли изящный столик из красного дерева, серебряную амфору с вином, вазу с финиками и гранатами, высокие кубки тонкого стекла. «Любопытно, — подумала гостя, — всё это она привезла с собой или приняла в подарок от Цезаря?» Клеопатра перехватила её взгляд и сумела разгадать его.

— Цезарь был здесь лишь однажды, — сказала она спокойно, — он приезжал взглянуть на сына.

— И всё?!.. — не выдержала Кальпурния.

— Всё, — кратко, но исчерпывающе ответила царица, как бы снимая любые возможные подозрения и слухи.

Жена диктатора с едва заметной симпатией взглянула на Клеопатру. Та держалась спокойно и независимо, не пыталась вызвать расположение и сочувствие, однако и не старалась идти на противоборство и скандал. Принимая соперницу, молодая египтянка вовсе не пыталась выказывать перед ней каких-то несомненных достоинств — ни юных лет, ни привлекательной внешности, ни счастливого материнства. Хотя знала, что супруга Цезаря бесплодна. А это был едва ли не самый главный козырь в их нынешнем противостоянии...

Клеопатра жестом отослала слуг и стала сама разливать вино в бокалы. Кальпурния насторожилась, помня, что восточное коварство беспредельно и случаи отравления в той далёкой, загадочной стране, откуда родом любовница её мужа, являются делом обычным. Клеопатра протянула ей бокал, невольно коснувшись бледных, холодных пальцев гостя, понимающе усмехнулась и выпила вино первой. Соперница чуть пригубила его.

— Это ваше вино. Фалернское... — объяснила царица, желая разрядить атмосферу. Кальпурния согласно кивнула:

— Я вижу. Только у нас его принято разбавлять...

С лица Клеопатры не сходила обезоруживающая улыбка:

— Но мы же варвары! И у нас вино не разводят... А сегодня у вас праздник, по-моему... Как он называется? Либералии?..

— Да, — прозвучал тихий ответ.

Клеопатра с нескрываемым интересом присматривалась к госте — она не могла взять в толк, зачем та к ней пожаловала? Не ради же праздного любопытства и не за тем, чтобы вместе сокрушаться и сетовать на злосчастную женскую долю?..

— А если он не победит? — произнесла Клеопатра осторожно, словно не решаясь говорить о гибели их общего покровителя. Но Кальпурния всё поняла без дальнейших пояснений.

— Тогда всем нам конец, — прозвучал твёрдый ответ, — и мне, и тебе, и...

— Маленькому Цезариону? — глаза у царицы округлились.

— Да, — гостя отвела взгляд, — сыновья Помпея никому не простят гибели своего

отца... Тем более ближайшим родственникам Цезаря...

И только тут Клеопатра догадалась, почему законная супруга диктатора явилась сюда.

— Ты хочешь видеть моего малыша? — спросила она участливо. Бездетная женщина молча кивнула головой. Царица хлопнула в ладоши. В зал вошла пожилая служанка. — Фтататита, приведи сюда сына, — ласково распорядилась хозяйка.

Она знала, что Кальпурния была третьей женой полководца. Первая — Корнелия — умерла в молодые годы, оставив мужу дочь Юлию. Вторая жена — Помпея — наставила Цезарю рога, и он не преминул с нею разойтись. Детей у них не было... После смерти дочери Юлии, которую он выдал замуж за своего вечного соперника — Великого Помпея, прямых наследников у диктатора не оказалось. И вот теперь...

Кальпурния с жадным интересом, который она не сумела скрыть, смотрела на кудрявого светловолосого мальчика, приведённого пожилой служанкой. Сейчас у нее не осталось никаких сомнений, что это настоящий сын её супруга.

— Он белокожий, как Цезарь!.. — сказала она с нежностью...

Законная супруга диктатора после свидания с его любовницей была сама не своя. Кудрявый, белокожий малыш, разительно похожий на Цезаря, стоял перед её глазами...

Кальпурния за четырнадцать лет замужества чего только не предпринимала — пила чудодейственные настойки и отвары, ела редкостные овощи и фрукты, дары моря и земных недр — и всё понапрасну. Ни весталки, ни гаруспики, ни колдуны и ворожеи не могли воскресить её пустопородное чрево. Восемь лет назад Цезарь твёрдо решил развестись с бесплодной женой и уже приискал себе невесту — дочь Помпея, но между ними возникла вражда, вскоре переросшая в гражданскую войну...

Кальпурния, чувствуя неизмеримую вину перед супругом, даже не пыталась протестовать, видя, как он самозабвенно и яростно воюет то за пределами страны, то в самой Италии. В случае его гибели на свете не останется ни единого продолжателя славного рода — ни сына, ни дочери. Зато теперь...

Но египетская царица — не римская гражданка, и её сын просто плод случайной связи. Он может стать вольноотпущенником, но никогда не будет полноправным членом римской республики. Так что напрасно эта знойная красотка рассчитывает на особую милость...

Но зная расточительный характер Цезаря, Кальпурния ясно представила себе, что в случае победы над сыновьями Помпея он может сделать так, что специальным указом египетская авантюристка сделается знатной римской гражданкой, а её маленький сын — единственным наследником диктатора.

С женой разведётся, как развелся с предыдущей женой, которую заподозрили в любовной связи с известным волокитой и буяном Публием Клодием Пульхром, братом знаменитой куртизанки Клодии, воспетой поэтом Катуллом.

Этот Клодий, переодевшись арфисткой и прихватив с собой музыкальный инструмент, ловко пробрался в канун женского праздника Доброй Богини в дом Цезаря, намереваясь там от души позабавиться. Оборотистая служанка-сообщница, спрятав его в дальней комнате, не мешкая, отправилась за госпожой. Но пока она её искала, Клодий, соскучившись, выбрался из укрытия и отправился бродить по дому. В коридоре его заметила рабыня матери Цезаря и, взяв под руку, повела в общий зал, где собрались все участницы. Клодий стал отнекиваться, говоря, будто ждёт Абру, служанку молодой госпожи. По голосу рабыня догадалась, что перед ней переодетый мужчина, и подняла крик. Сбежались все собравшиеся, в их числе мать Цезаря Аврелия — женщина весьма строгих правил — и молодая хозяйка. Прелюбодея опознали и выгнали с позором. А потом началось пристрастное следствие, судебное разбирательство и моральное осуждение соблазнителя и святотатца. Клодий, по мнению суровых судей, нарушил не только семейные, но и божественные запреты.

К чести Цезаря, следует добавить, что он не бросил камень в молодую жену, заявив во всеуслышание, что она «вне всяческих подозрений». И, тем не менее, вскоре разошёлся с ней...

Затем его в первый раз избрали консулом, и он заметил юную дочь сенатора Луция Пизона — Кальпурнию. Сенатор происходил из старинного плебейского рода и сам метил занять самый высокий пост в государстве. Цезарь обещал ему всемерную поддержку, а взамен просил руки его дочери. Пизон, не раздумывая, согласился.

И вот тогда пятнадцатилетняя девочка, желанием которой никто не интересовался, с тревогой, волнением и робостью пошла замуж за высокого, лысоватого, худосочного патриция, пользовавшегося славой изворотливого, самонадеянного, честолюбивого, но удачливого и щедрого дельца...

12

Погребальный костер всё ещё дымился, и в воздухе витал одуряющий, сладковатый дух сожжённой плоти. Родственники покойного старались не смотреть на бранные останки, только рабы проворно и сноровисто подбрасывали в огонь сухие поленья...

Требоний в тёмной траурной одежде, с обросшим густой щетиной лицом — этого требовал обычай и традиции — стоял во главе скорбного семейства, потупив взгляд. Его супруга Пилия, поддерживая руками большой, туго натянутый живот, вдруг побледнела и покачнулась. Две служанки успели подхватить её. Требоний обеспокоено повернул голову.

— Успокойся. Уведите её!.. — приказал он прислуге.

Беременную матрону осторожно проводили в дом. Требоний подумал: «Один умер, а другой вот-вот родится...»

Его отец, останки которого догорали, был зажиточным плебеєм и входил во всадническое сословие, но никакими особыми заслугами не отличился. Жил и поступал, как обычный римский гражданин: служил в армии, занимался хозяйством, растил детей... И старался держаться подальше от интриганов и честолюбцев, норотивших прибрать к рукам власть в вечном городе. Требоний помнил, как отец часто сетовал на нынешние «смутные» времена, когда приходится кланяться в ноги то одному, то другому властолюбцу. Он не устал повторять, что в былые годы всё происходило иначе: тогда правил закон и все были перед ним равны — и консулы, и сенаторы, и полководцы, и простые граждане...

— Ну, перестань, отец, — в свой черёд урезонивал его Требоний, — лучше вспомни Мария...

— А чем тебе не угодил Марий? — упорствовал старик.

— Он же семь раз был консулом!..

— Ну, так что же? Его всегда выбирал народ. Почти единогласно!..

— А пять раз подряд он становился им бессменно. И вопреки закону!.. — не отступал сын. Но старик стоял на своём:

— Но тогда мы воевали с варварами. И кто их разбил? Не Марий ли?.. — он въедливо сощурился, — Это был великий полководец. Твой Цезарь ему и в подмётки не годится!..

Требоний предусмотрительно отмалчивался, помня, что отец очень не любил диктатора и всегда предостерегал сына от тесной дружбы с ним. Старика не смиряло даже то, что Цезарь был племянником Гая Мария (его родная тётка вышла замуж за прославленного полководца) и гордился этим родством, всячески подчёркивая, что разделяет его взгляды и убеждения.

— Мы — плебеи, — горделиво повторял отец, — и Марий был плебей... А твой Цезарь — прирожденный патриций!.. Но ловко корчит из себя рядового римлянина, умею заигрывает с простым народом, ищет грошовой славы и популярности...

Здесь Требоний не возражал, в душе соглашаясь со стариком. Хотя диктатор был в быту неприхотлив, а в походах тем более. Ел что попадётся, спал где и на чём придётся... Однако не жалел ни своих, ни чужих денег на устройство обильных угощений, пышных представлений и гладиаторских боёв. Римская гольтьба считала его «своим парнем» и была готова идти за ним в огонь и воду...

Костер постепенно затухал. Косые лучи мартовского солнца безжалостно выхватывали из тени то дочерна обожжённую кость, то сгоревший дотла погребальный саван... «А что там — в Испании?» — подумалось Требонию. Вид траурного пепелища почему-то представлялся ему краем поля безжалостной битвы.

И тут, и там стелется едкий дым, истлевают остатки человеческой плоти, навсегда уплываю в небытие чьи-то надежды, пути и желания... Те, кто остался в живых, ещё какое-то время помнят о павших, но с годами память оскудевает, и от покойника не сохраняется ничего: ни имени, ни звания, ни частицы праха...

Требоний был достойным сыном — он снял с почившего отца гипсовую маску и поместил её в домашний алтарь, где хранились маски его деда и прадеда — так издавна повелось в семьях состоятельных и благочестивых римлян.

— Галл, — сказал он негромко слуге, — проследи, чтобы всё закончилось как следует...

Пожилой раб с готовностью выслушал распоряжение хозяина, и стоило тому скрыться в доме, как прислуга с утроенным усердием принялась ворошить чадающее пепелище, дабы поскорее завершить печальный обряд...

Требоний прошёл в спальню. Там царил полумрак, лишь у дальней стены, возле супружеской постели, горел одинокий ночник. В глаза хозяйину сразу бросился необъятный живот жены — она лежала на спине, а он возвышался над ней, как гигантская

опрокинутая чаша.

— Как она? — шёпотом спросил супруг у сидящей возле ложа рабыни.

— Уснула, — сочувственно откликнулась та.

Лицо Пилии — измученное и усталое, в тёмных пигментных пятнах, казалось почти безжизненным, и трудно было понять — то ли она вправду спит или погрузилась в глубокий обморок.

— Ладно, — вздохнул Требоний, — я пойду к себе. Если понадобится — зовите...

Служанка молча качнула головой. Но едва господин покинул спальню и перешёл в гостиную, как на пороге показался пожилой раб.

— Всё? — встретил его вопросом Требоний. Галл поспешно доложил:

— Патрон, там пришёл посольный от консула...

Требоний недовольно поморщился:

— Хорошо, пусть войдёт...

Через минуту в атрии появился городской претор. Поприветствовав хозяина, он передал ему настоятельную просьбу Антония прийти завтра утром на заседание сената.

— Я в трауре, — буркнул Требоний утрюмо, — у меня умер отец...

— Все об этом знают, — участливо подтвердил посланец и добавил интимно: — У Антония свара с Долабеллой. Причём крупная...

— Вот как? Тогда я, пожалуй, приду...

Претор не преминул уточнить:

— Так и передать?..

— Антонию?.. Передай, шут с ними...

Посольный ушёл, а хозяин некоторое время размышлял о неожиданном приглашении. Зачем Антонию и его окружению понадобилось выслушивать бывшего наместника Испании? Что они хотели от него узнать?

— Хозяин, мы всё закончили, — вывел его из задумчивости голос пожилого раба.

— А пепел собрали?

— В урну? Конечно...

— Тогда накрывайте стол...

В доме закипела сдержанная, скорбная суета...

13

Диктатор бился в приступе падучей. Альбин и Поллион навалились с обеих сторон на длинное, жилистое, гибкое тело, которое содрогалось всеми своими частями и суставами... Зрачки бедного Цезаря бешено вращались, рот издавал непонятные, бессвязные звуки, похожие на птичий клёкот, руки и ноги сучили во все стороны, как будто из мятущегося тела стремилась вырваться какая-то неистовая, запертая в нём стихия, грозя разметать всё вокруг. На узких губах диктатора пузырились хлопья белой пены, потом она щедрым потоком залила ему подбородок, шею и грудь...

Тело страдальца резко вытянулось и обмякло, словно жизнь навсегда оставила его. Альбин с Поллионом, оба потные и взъерошенные, ещё пару минут держали плечи и руки Цезаря, с опаской глядя ему в лицо...

— Надо положить его на кровать... — заботливо предложил легат.

Альбин нехотя взялся за ноги диктатора. За стенами палатки раздался беспорядочный шум, однако оба помощника не уловили в нём ничего угрожающего. Легионер, стороживший вход, просунул внутрь голову в гривастом шлеме и бодро гаркнул:

— Тут принесли... — но увидев тело поверженного полководца и двух подручных, склонившихся над ним, прибавил растерянно: — Принесли голову...

— Чью? — повернулся к нему Альбин.

— Гнея...

— А Секст?..

Страж не успел ответить, как полог палатки откинулся ещё шире и два центуриона, сияя радостными, хвастливыми улыбками, ввалились под полотняный кров. Под мышкой у одного из них, в бурых пятнах засохшей сукровицы, торчал ужасный трофей, завернутый в тряпку.

Поллион и Альбин кое-как укладывали Цезаря на походную кровать.

— Вот, — рявкнул один из вошедших, даже не заметив неловкой сцены, — настигли голубчика! Не ускользнул!.. — он ткнул заскорузлым пальцем подмышку, где торчал кровавый свёрток.

Альбин освободил худые ноги диктатора, и они со стуком опустились на ложе. Только тут brave вояки сообразили, что явились не вовремя. Поллион, ничего не найдя под рукой, бережно вытер грудь и подбородок Цезаря его алым плащом. Центурионы обескураженно переглянулись и тот, что держал под мышкой злосчастный трофей,

пробурчал:

— А это куда?

— Положи на пол... — хмуро обронил Альбин.

Центурион неловко развернулся, бесцеремонно толкнув локтем соседа, стуча сапогами, шагнул в угол палатки и осторожно опустил свою ношу. Сверток, качнувшись, едва не покатился, а центурион с суеверным испугом успел удержать его.

— Вы пьяные, что ли?.. — догадливо осведомился Альбин.

Второй рубака осклабился в ухмылке:

— А сегодня Либералии... И победа как-никак!.. Почему не выпить?..

Поллион заботливо укрыл полководца плащом. Оба центуриона, сияя широкими, удовлетворёнными улыбками, ещё не смыв с лиц и плеч пятен своей и чужой крови, смотрели с лёгким сожалением на бездыханного диктатора. Они остались целы и почти невредимы и потому имели полное право упиться до беспамьятства.

— Дело было жаркое... — мечтательно начал тот, что принёс желанный подарок. — Мы догнали его на переходе через реку...

— погоди. Потом... — остановил его Поллион, показывая на недвижимого Цезаря.

— Пусть он придёт в себя ...

Вояки обижено переглянулись, нехотя согнали с физиономий горделивые ухмылки и, неуклюже развернувшись, вышли вон.

— Ты их унизил, — вполголоса произнёс Альбин. Легат беспечно махнул рукой:

— Чёрт с ними! Сейчас не до того...

Напарник пожал плечами и вдруг предложил:

— А не выпить ли нам? Двойной праздник как будто... Чем не повод?.. — он показал красноречивым кивком в угол, где лежала отсечённая голова старшего сына Великого Помпея.

Оба выпили до дна. Жадно. Наперегонки.

— Ох, и денёк был! — Альбин со стуком отставил кубок.

Поллион зябко повёл плечами. Он до сих пор не верил, что остался в живых. Остервенелый лязг мечей, хряск перерубленных костей, чваканье вспоротых животов, потоки крови, мочи и дерьма...

А за стенами палатки стояла непривычная, необъяснимая тишина. Не слышалось знакомого, безудержного шума и гвалта, которые случаются после блистательной победы, когда виновники её, опрокинув бокал-другой, хвастливо вспоминают свои и чужие подвиги, регочут и матерятся. Только откуда-то издалека доносился вороний грай — это недремлющие, вечно голодные птицы слетелись делить мёртвые тела...

— Ещё по одной?.. — прервал Альбин затянувшуюся паузу: — За Цезаря?!..

— Я впервые дрался не за победу, а за собственную жизнь... — раздался в тишине высокий надтреснутый голос.

Собутыльники вздрогнули и повернули головы. Диктатор, слегка потирая поредевший затылок, с трудом сел на походной кровати. Вид у него был разбитый и растерянный. Он будто явился с того света...

14

На удивление всем, консул Марк Антоний оказался трезв, спокоен и внимателен. Даже предупредителен, чего за ним раньше не замечалось. И помещение курии было забито сенаторами до отказа.

Когда Требоний поднялся с места и начал свою речь — слушали его жадно и терпеливо. Он обрисовал беспокойную обстановку в Дальней Испании, постоянный приток свежих сил в легионы сыновей Помпея, неизменное желание местных племён поддерживать мятежников. И в противовес этому — недостаток продовольствия и упадок дисциплины в войсках Цезаря...

Сенаторы, разбившись на группы сторонников и противников диктатора, не решились вступать в ожесточённый спор и начинать перепалку. Безрадостная картина, представленная словами оратора, не радовала ни тех, ни других... Другим Цезаря хотелось верить, что блистательный полководец, как всегда, сумеет найти удачный выход — а если нет? Враги же, мечтая о его поражении, сомневались в военных талантах обоих братьев. И потому те и другие с затаённым испугом и ненавистью смотрели друг на друга, словно ожидая решения своей участи...

— Его дела так плохи, что тебе ничего не оставалось, как поскорее убраться отсюда? — раздался в курии голос задиристого трибуна Вентидия. Он высказал то, что у большинства вертелось на языке.

— У меня, да будет вам известно, умер отец... — Требоний показал на свою траурную одежду и обросшее щетиной лицо.

— Мы тоже оденемся в траур — если Цезарь вдруг отправится к праотцам! — ядо-

вито заметил знаменитый оратор Цицерон.

Слово взял Антоний:

— Отцы-сенаторы! Если положение в Дальней Испании обстоит не лучшим образом — не следует ли нам отправить в помощь Цезарю ещё несколько легионов?

— Но откуда их взять? — выкрикнул сенатор Требеллий.

— Из Македонии или Африки...

Брут и Кассий заволновались.

— Цезарь об этом не просил! — утрюмо возразил Требоний. Марк Антоний встретился с ним взглядом:

— И ты полагаешь, что он обойдётся своими силами?

— Надо думать. Разве вы не знаете Цезаря?..

В курии воцарилась тишина. Сторонники и противники диктатора благоразумно отмалчивались, не желая затевать жестокую свару. И даже давний ненавистник Цезаря Марк Туллий Цицерон, бросая в сторону Антония колючие, злые взгляды, не проронил ни звука. Впрочем, и сам консул не пытался будоражить собравшихся и не стремился взывать к их дружной поддержке. Ощущая общий уклончивый настрой, он и сам старался вести себя уступчиво и мирно, вопреки своему характеру и привычкам. А это, между прочим, не укрылось от взоров наиболее пронизательных людей. От того же Цицерона, Брута и Кассия...

— Хорошо, — спокойно заключил верный пособник диктатора, — будем считать, что Цезарь, как всегда, одержит убедительную победу... — Марк Антоний на секунду умолк. — А мы — сенат — всемерно поддержим его!..

Собравшиеся постарались как можно скорее убраться восвояси. Требоний, перебросившись с консулом малозначащими фразами, покинул здание курии, где у входа его встретили Кассий и Брут.

— Мы искренне сочувствуем тебе... — показывая жестом на его траурное одеяние, заметил Кассий.

Требоний, в знак ответной признательности, покорно склонил голову. Брут участливо взглянул на него и прибавил:

— А Цезарь, оказывается, не лишён сердца... Несмотря ни на что — отпустил тебя!..

— Сердце тут ни при чём...

— А тогда что?..

— Просто растерянность и озабоченность...

— Цезарь растерялся?!.. — Кассий не верил своим ушам. — А Гней и Секст что подельывают?

Требоний ответил неожиданно:

— Я встречался с ними... И не однажды...

— Вот как? И что же?..

— Они собрали довольно большие силы. Причём и местное население стоит за них горой. А вот у нас... — он красноречиво сжал губы.

— Значит, шансы у Цезаря весьма сомнительны? Ведь так?..

— Более чем...

— А вдруг Цезарь предложит сыновьям Помпея мир и согласие?

— Гней и Секст на это не пойдут...

Переговорив с Требонием, Кассий и Брут отправились в сторону Палатинского холма, к вилле последнего.

— Ты заметил, как изменился Антоний? Не пьёт, не таскается по значным местам, не заводит шашни...

— Он заподозрил свою жену в связи с Долабеллой...

Они стали горячо обсуждать зародившуюся склоку в стане врагов. Бывший зять знаменитого оратора Цицерона — Публий Долабелла — тоже отличался буйным, хватким, несдержанным нравом. Вначале он служил у Помпея, затем перекинулся к Цезарю. И, несмотря на молодость, быстро пошёл в гору, сходу стал легатом, потом народным трибуном. Провёл в сенате несколько сомнительных, популистских законопроектов, донельзя угодных римской черни, безмерно обожающей безрассудных, отчаянных, крепких на слово и на руку молодцов...

— А как они славно пили и распутствовали! Какие закатывали оргии и кутежи!.. — Кассий на ходу развёл руками.

— Так чего же ты хочешь? Долабелле всего-то двадцать четыре года, Антонию же почти сорок... Эта дружба, в конце концов, должна была сама собой умереть. И дело тут наверняка не в чьей-то жене, однако... — Брут пожал плечами. — Если люди без передышки пьянствуют и куролесят — между ними всё возможно...

— И зачем Цезарю такие подручные?.. — Кассий искренне недоумевал.

Его догадливый родственник рискнул предположить:

— Он ими пользуется по мере надобности... Дело, видимо, в том, что эти люди всег-

да готовы к действию, а точнее — они вначале действуют и лишь потом думают. Если думают вообще... — Кассий почему-то отнёс сказанное на собственный счет и промолчал. Брут понял это и, не желая обижать зятя, присовокупил: — Да что говорить! Я тоже хорош... Зачем мне нужно было принимать эту унижительную милость от диктатора? Лучше поступить, как Катон...

— То есть лишить себя жизни?!..

— А что? — Брут придержал шаг. — Это, по крайней мере, достойней, чем терпеть над собой власть кутил и распутников! Куда уж хуже?..

— Согласен, — Кассий понизил голос, — но, по-моему, лучше лишить жизни сам источник зла и беззакония... Сколько можно это терпеть?..

Собеседники, не глядя друг на друга, солидарно замолчали и дружно зашагали к просторной вилле на восточном склоне Палатинского холма. Там располагались дома римской знати, многие из которых были в свое время скуплены самым богатым человеком Рима — Марком Лицинием Крассом, сложившим свою бесталанную голову в битве с парфянами.

Знаменитому толстосуму не давала покоя слава полководца, которую ему непременно хотелось заполучить. Почти десяток лет он вместе с Помпеем и Цезарем верховодил в римской республике. Теперь из этой лихой, оборотистой тройцы в живых остался только Гай Юлий Цезарь.

15

Пилия родила мальчика, и Требоний был этому искренне рад. Опасался он лишь одного, что ребёнок может умереть во младенчестве, как это случалось с его предыдущими детьми. Подобно всем важным, состоятельным римлянам, Требоний женился, будучи уже тридцатилетним мужчиной, достаточно повоевав и повидав многое. Пилия была вдвое моложе мужа, но это тоже укладывалось в нормы и обычаи римской республики.

Пожалуй, один Цезарь нарушал эти традиции — он в первый раз женился, едва достигнув юношеского возраста, и в жены взял ровесницу — Корнелию, дочь тогдашнего консула Луция Корнелия Цинны. Вряд ли это следовало называть браком по расчёту, хотя тесть был богат и влиятелен. Цезарю, видимо, просто повезло — невеста оказалась хороша собой и с солидным приданым...

Однако людское счастье переменчиво — к власти пришел суровый Сулла, безжалостно устранив всех соперников, действительных и мнимых. Отец Корнелии скоропостижно скончался, и Феликс Счастличик — так прозвали Суллу — приказал Цезарю развестись с любимой женой. Но юный патриций проявил характер — не пожелал подчиниться диктатору, а предпочёл бежать и тем сохранить брак.

Скитаясь то в самой Италии, то за её пределами, он пережил множество приключений, невероятных и опасных, а его юная стойкая половина преданно ждала своего супруга. И дождалась. Сулла неожиданно умер, и Цезарь вернулся в Рим, к верной жене.

Требоний услышал эту историю из уст самого диктатора. О первой жене Цезарь вспоминал с теплотой и нежностью. Вероятно, он и вправду любил её. Юный Требоний тогда ему искренне завидовал, но с годами стал относиться к этим рассказам с солидной долей сомнения...

Нет, он не думал, что диктатор лжёт — просто тот всегда пристрастно и в свою пользу толковал все факты и события. Неподчинение приказу Суллы произошло вовсе не из-за любви к Корнелии, а по причине его строптивного характера.

Вспоминая годы владычества Суллы, Цезарь неизменно умалял его полководческие таланты и громкую победу над царём Митридатом, зато всегда выпячивал деспотизм, кровожадность и мстительность. Сам Требоний в тот достославный период был ещё мальчишкой, но от покойного отца слышал о грозном походе Счастличика на Рим, о грандиозном пожаре, кровопролитной битве у Коллинских ворот, о знаменитых проскрипциях, унесших жизни сотен граждан...

Требоний догадывался, что Цезарю не хотелось видеть никаких параллелей между собой и Суллой. Счастличик делал всё вопреки воле и желаниям сотен тысяч людей, а он — Цезарь — творит только во имя всеобщего блага. И как ни прискорбно это сознавать — сам Требоний когда-то поймался на подобную приманку.

В свои юные годы, с пылом и жаром новообращённого, он устремился в галльские легионы Цезаря, который представлялся ему чуть ли не богом войны — Марсом, шагающим от одной блистательной победы к другой. В грохоте и горячке бурных сражений ему было некогда думать о тщете, безвозвратности и пагубности собственных усилий... Только со временем в его невозмутимой душе стали копиться зарубки и шрамы точно так же, как на лице, руках и шее. И через два десятка лет Требоний вдруг почувствовал, что сердце его насквозь изранено...

Во дворе раздался шум и голоса. В атрий вошёл слуга:

— Патрон, к нам пришёл какой-то человек...

— Кто? — Требоний встал.

— Это я! — в дверях появился Долабелла. Напористый, шумный, бесцеремонный, он был явно навеселе. — Привет, наместник! — шутливо приветствовал гость бывшего властителя Испании, который год спустя погибнет от его руки. Но Требоний этого, конечно, не предвидел, как и Долабелла. Сейчас они встретились, как давние друзья и союзники. — Чего ты там наговорил в сенате насчёт сыновей Помпея и безнадёжного положения Цезаря?

— Нужно хотя бы иногда приходиться на заседания...

— Пока в сенате правит этот мерзкий пропойца — я туда ни ногой!.. Представляешь? Приревновал меня к своей жене! Меня?!.. — Долабелла ударил себя в грудь. — Да чтобы я когда-нибудь прельстился на эту протухлую макрель?!.. Ты меня знаешь... — Требоний слушал и стремился понять, что за нужда привела к нему в дом этого несносного буяна. — Значит, ты говоришь, дела у него дрянь?

— У кого? У Антония?..

— Какого Антония!.. У Цезаря. На Антония мне плевать!.. А ты знаешь, что Цезарь победил?

Требоний не поверил своим ушам:

— Что?! Этого не может быть!..

— Цезарь победил, а сыновья Помпея вдрызг проиграли... Гнею снесли голову...

— Откуда тебе это известно?

— Известно. Битва случилась в Либералии. Под городишкой Мундой. Там диктатор вдребезги разбил этих ребят, и старшему отрубили башку!..

Требоний потрясённо и озадачено опустил голову...

После ухода Долабеллы он долго не мог прийти в себя. Требоний уже успел свыкнуться с мыслью, что сыновьям Помпея удалось-таки разбить его бывшего военачальника. В течение года он наблюдал, как Гней и Секст умело и старательно копили силы. Как охотно стекались к ним и молодые солдаты, и ветераны. А местное население оказывало им всяческую поддержку и едой, и вином, и вооружением...

Требоний тогда ничего не мог поделать со своим собственным войском — легионеры или перебежали к противнику, или в открытую дезертировали. И только приезд диктатора спас армию от полного развала. Возглавив её, Цезарь пригрозил, что прибегнет к децимации, то есть казнит каждого десятого солдата. Последний раз это поделал Марк Лициний Красс, когда его едва не разбил Спартак — четверть века назад...

Дезертирство прекратилось, но боевой дух легионеров не стал крепче. И теперь потрясённый Требоний никак не мог взять в толк — каким образом сыновья Помпея, имея сильную, боеспособную армию, хорошо вооруженную и обеспеченную, сумели позорно проиграть?!..

Утром следующего дня, оставив все сомнения и колебания, бывший наместник в Дальней Испании решил кое-что предпринять. Но для начала прошёл в спальню к жене. Пилия кормила ребёнка. Застыв у порога, он, стараясь не шуметь, несколько минут наблюдал, как молодая мать бережно и заботливо держала у груди сына.

— Подойди, — не поднимая головы, но почувствовав присутствие супруга, позвала она. Требоний тихо, на цыпочках, приблизился. Его крохотный наследник, полузакрыв глаза, старательно теребил материнский сосок. Отец невольно улыбнулся. — Ты уходишь?.. — озабоченно спросила Пилия.

— Я ненадолго. Кое-что узнаю и вернусь. Скоро вернусь...

Требоний направился к выходу. Во дворе слуги приготовили закрытые носилки — хозяину не хотелось идти по городу пешком, чтобы не встречать знакомых лиц и не вступать с ними в разговор. Усевшись на скамью и задёрнув занавески, он приказал носильщикам идти.

Возле виллы Марка Антония, хозяином которой был когда-то покойный Помпей, Требоний приказал рабам опустить носилки, неспешно вышел, старательно расправил тогу. И сразу заметил, что с противоположной стороны улицы показались ещё одни носилки, только более вместительные, влекомые восьмью дюжими молодцами. Наружу показалась внушительная голова верховного властителя Рима:

— Привет, Требоний! Проходи, будь гостем!

Антония сопровождала Фульвия, бывшая жена знаменитого горлопана и возмутителя спокойствия Клодия Пульхра, убитого семь лет назад в уличной потасовке. Она узнала Требония и приветливо кивнула ему.

Войдя в дом, хозяин с гостем направились в зал. Требонию было не ко времени разводить церемонии — он сразу задал нетерпеливый вопрос:

— Цезарь выиграл сражение? Гней и Секст разбиты?

Антоний шумно уселся напротив гостя и спросил в свой черёд:

- Откуда ты знаешь?
- Весь город об этом говорит...
- В Риме чего только не услышишь!..
- Это неправда, что ли? Пустые бабьи сплетни?!..

Антоний процедил двусмысленно:

- Правды не знает никто...
- Говорят, что сражение произошло в Либералии...
- Возле городишки Мунды...
- Так ты всё знаешь?!
- Знаю то же, что и ты. И не больше...
- Я не могу понять, почему они дрались у Мунды? Ведь лагерь Цезаря находился возле Кордубы. Там почти день пути...
- Значит, ему пришлось отступить... — мрачно заметил Антоний.
- Ни лично тебе, ни в сенат не поступало никаких известий? Ни строчки?..
- Нет. Не поступило...
- Это странно...
- Я тоже так думаю...
- Ведь ты же глава государства, а не...
- Игральная кость!.. — удачно завершил Антоний, и глаза его сверкнули мстительными огоньками.

16

Весть о том, что где-то в Испании произошла битва между её супругом и сыновьями Помпея, дошла до Кальпурнии едва ли не в последнюю очередь. И принесли её слуги и рабы. Она услышала разговор на кухне:

- Трупов и крови было столько, что лошади увязали в ней по брюхо!..
- А наш хозяин?.. — пугливо спрашивала посудомойка.
- Его не нашли и детей Помпея тоже... — авторитетно заявил повар.
- И куда все они подевались?.. — не отставала еще одна слушательница — кухарка. Повар выразительно пожал плечами. Кальпурния не выдержала:
- Где вы всё это узнали?.. — настойчиво оглядывая прислугу, хозяйка вошла в кухню. После минутного замешательства посудомойка сообщила:
- Везде про это болтают... И на рынке, и на пристани, и в банях...
- И в цирке, — подтвердил повар.
- И что говорят? Что с Цезарем?! Он жив?!..
- Ничего толком неизвестно, — повар выразительно сжал губы.

Кальпурния решила отправиться в гости к родителям. Её отец — Кальпурний Пизон — был давним приятелем и пособником Цезаря. Госпожа уселась в носилки, взяла для компании служанку и приказала доставить себя на виллу отца, находившуюся на противоположной стороне Палатинского холма, среди вилл римской знати. Путь к нему был не слишком далёк, однако Кальпурния совсем извелась.

- Шагайте быстрее!.. — торопила она носильщиков.

Служанка, тихо сидевшая напротив, испуганно смотрела на госпожу и старалась изо всех сил удерживать равновесие. Крытые дорогие носилки ныряли, как утлое суденышко в штормовом море. Праздные зеваки, вылезшие погреться на апрельском солнышке, с изумлением глазели на шестёрку взмыленных здоровяков, рысью спешивших мимо, словно убежавших от бешеных собак, а над мокрыми головами рабов мерно качался маленький уютный домик — передвижноеместилище их хозяев...

Пизона дома не оказалось, зато мать с радостью встретила нежданную гостью.

- Наконец-то! — воскликнула пожилая женщина, обнимая и усаживая дочь.
- А ты ничего не слышала?..
- Про Цезаря?

Дочь молча кивнула обеспокоенной головой. Не зная, что ответить, мать сообщила невпопад:

- Отец-то в сенате...
- И что?
- Ходит туда почти каждый день, а что толку?..
- Разве там никому ничего неизвестно? — не поверила жена диктатора.

Родительница ядовито рассмеялась:

— Да как же неизвестно!.. Консул Антоний с Долабеллой чуть не подрались! Потом Антоний прогнал жену и сошёлся с Фульвией...

- Женой покойного Клодела Пульхра?

— Ну да. С ней... Так они решают государственные дела... Одни воюют где-то там, — она махнула вдаль рукой, — а другие здесь, между собой...

- Говорят, что там всё уже случилось...
 - Ну да, случилось, — поддакнула мать и осеклась.
 - А ты откуда знаешь? — насторожилась Кальпурния. — От отца?..
- Не глядя в лицо дочери, хозяйка с усилием призналась:
- Да я тут встретила недавно...
 - Кого?..
 - Помпею, жену Корнелия Цинны...
 - Сестру Гнея и Секста...

Хозяйка прерывисто вздохнула, не желая вспоминать того, что та ещё и дочь убитого Помпея, едва не ставшая женой её нынешнего зятя.

- Она сказала, что было сражение...

Глядя на растерянное лицо матери, дочь поняла, что дальнейшие расспросы бесполезны. Вряд ли теща Цезаря смогла выпытать у дочери Великого Помпея, кто победил и кто потерпел поражение...

И обе женщины — молодая и пожилая — не сговариваясь, заплакали...

17

Вездесущему легату Гаю Дидию чудом попала в руки казна сыновей Помпея. Когда он вместе с тремя центурионами принёс в палатку диктатора кожаные перемётные сумы, полные золотых и серебряных монет, — у Цезаря вытянулось и без того узкое и длинное лицо.

- Где они всем этим разжились? — удивился Поллион.

- А ты не догадываешься? — подал голос Цезарь.

Вся свита скрестила взоры на диктаторе. А он почему-то посмотрел на одного-единственного человека — Квинта Туллия — племянника оратора Цицерона.

– Я всегда знал, что у меня есть враги... — Цезарь на секунду умолк. — Только не ожидал, что их так много. Упорных и беспощадных...

Девятнадцатилетний юноша виновато опустил голову, хотя сказанное относилось скорее к его прославленному дяде, и он это понимал. Понимали всё и окружающие, поэтому никто не отважился возразить.

– Откуда у Гнея и Секста столько денег?.. — спросил диктатор словно самого себя и тут же ответил: — Это всё добровольные пожертвования моих недругов!.. Ладно. Займёмся делом.

Решено было раздать солдатам жалование — тем, кто воевал на стороне победителей, и тем, кто им противостоял. Только бывшим врагам вполтину меньше. Не обошлось без разногласий.

– Цезарь, — пытался оспорить полководца Дидий, — а ты не думаешь, что наши люди могут всерьёз оскорбиться?..

- На что?

– Ну, как же, — пожал плечами легат, — сторонники Помпеев воевали против нас, а мы выдаём им за это деньги? Разве это справедливо?..

Диктатор хитровато сощурился, собрав в мелкие морщинки худое тонкокожее лицо:

– А мы не будем делать из этого тайны... — он кивком показал на груды золота и серебра. — Сколько месяцев они не получали жалования?

- Где-то с полгода, — ответил Дидий.

– Ну, вот и прекрасно! — диктатор усмехнулся. — Мы им скажем: Цезарь честнее ваших вождей, конфисковав вашу казну, он вам выплачивает всё, что положено. Вы это заслужили! Вы солдаты и ваше дело воевать! А если ваши полководцы оказались бездарны и беспомощны — то вины простых воинов в этом нет! — и Цезарь стукнул кулаком по столу. — Получите всё по заслугам!..

Дециму Альбину почему-то вдруг вспомнилось, как ещё недавно за спинами легионеров носился алый плащ диктатора и звенел его высокий, рвущийся голос: «Ветераны! Если вам ничего не стыдно — выдайте меня этим мальчишкам! Свяжите и выдайте! Ну, же!..»

А Поллион записал в своем дневнике, что необыкновенный поступок диктатора вместо того, чтобы вызвать одобрение и восторг, только посеял подозрения и кривотолки.

Но сам Цезарь, вопреки всему, ничуть не обеспокоился. Одержав самую трудную в жизни победу, он строил невероятные, грандиозные планы на будущее. Широта и размах им задуманного захватывали дух и потрясали воображение...

А в Дальней Испании уже безраздельно властвовало лето. После довольно прохладных ночей, с первыми лучами цепкого, жгущего солнца на землю наваливался жгучий, изнуряющий зной. Не хотелось ни ходить, ни говорить, ни думать...

Простые солдаты, центурионы, манипулярии, легаты — словом, весь военный люд валялся в тени палаток, обливаясь потом и забываясь в беспокойной дреме. Один лишь Цезарь, казалось, не испытывал ни малейших тягот и неудобств.

Худой, нескладный, белокожий, он переносил жару и духоту без видимых усилий, словно они не действовали на него. И всеобщая, расслабляющая лень будто бы шла ему на пользу. Он много читал и сам успевал писать не только приказы и распоряжения, но и литературные труды...

Прочитав шумевшее сочинение Цицерона, восхвалявшего нестигаемого республиканца Марка Катона, лишившего себя жизни в минуты бесславного поражения, диктатор решил написать памфлет «Антикатон». Он поделился этим со своим ближайшим соратником Поллионом.

— Я не хочу развенчать его и унижить, — словно оправдываясь, говорил он молодому историку и поэту, — но Катон был частенько упрям и ограничен. И был готов стоять до конца за давным-давно отжившие нормы и традиции... Ты возьми наши законы, — Цезарь иронично скривил рот. — Квестором ты можешь стать только в тридцать лет... — он загнул мизинец на левой руке. — Претором в сорок... — последовал второй палец. — Консулом в сорок три года! — над головой полководца взмыл костистый кулак с отставленными двумя перстами, как немой укор неведомо кому.

— А Помпей стал в первый раз консулом тридцати пяти лет... — осторожно напомнил собеседник.

— Это случилось после разгрома Спартака, — нехотя произнёс Цезарь, — тогда всю Италию трясло, как в лихорадке... — Поллион согласно кивнул головой, а непобедимый полководец вдруг снисходительно усмехнулся и неожиданно признался: — А я в тридцать девять лет отправился сюда, в Испанию... И однажды у какого-то захолустного городка один из моих легатов, кажется, брат Цицерона, говорит: неужели здесь, в этой забытой богами дыре, тоже яростно дерутся из-за должностей и до хрипоты спорят о том, кто важней, кто главней?.. — Поллион понимающе улыбнулся. — А я сказал, — Цезарь посерьёзней, — уж лучше быть первым здесь, чем вторым в Риме!.. — помолчав, Цезарь заговорил о другом: — Сейчас нужно утихомирить всех мятежников. Потом собрать все силы в единый кулак. И как можно быстрее...

— Зачем? — озадаченно спросил легат.

— Вначале следует разбить парфян... Отомстить им за гибель Красса. А дальше, — и в глазах диктатора засверкали мечтательные огоньки, — покорить все земли к востоку, северу и западу, вплоть до самого Океана. Весь обитаемый мир. Всё навечно подчинить Риму!

18

В привычной череде праздников стародавние «Парилии» были едва ли не самыми главными. По преданию, они знаменовали собой основание города Рима. Хотя находились скептики, утверждавшие, что когда-то так назывались пастушеские игрища, происходившие в пору выгона скота на весенние пастбища...

Подрастала свежая, сочная трава, у коз, овец и коров завершался отёл, и по зелёной мураве лугов задорно носились, задрав куцые хвостики, ягнята, телята и козлята... И люди тоже радовались и веселились, поскольку обилие приплода вселяло веру и надежду в прочность и неизбежность бытия...

Однако со временем, перестав слыть пастушеским народом, италики всё-таки оставили в своём обиходе этот праздник, отмечая его спустя месяц с небольшим после Либералий. Но, несмотря на крепость традиций, случались времена, когда сам праздник был не в праздник. Именно это и происходило после победы диктатора под Мундой...

Гай Требоний, окончив траур, уже бритый и приведший себя в порядок, пользуясь случаем, посетил Брута в его поместье под Римом, в маленьком городишке Анции. Там, кроме неразлучного Кассия, был в гостях Тиллий Цимбер — давний союзник Цезаря. Требоний, увидя его, заметно смутился, однако Кассий тут же успокоил бывшего наместника.

— Не волнуйся! Тиллий — свой парень, всё останется между нами...

Требоний мигом справился с собой:

— Да я и не волнуюсь! Это ведь не Фарсал, верно?..

Хозяин и гости улыбнулись. Напоминание о знаменитой битве, когда они сражались друг против друга — Брут и Кассий на стороне Помпея, а Требоний с Тиллием в армии Цезаря, — многого стоило. И кто бы мог подумать, что теперь они вновь стали союзниками! Хотя в жизни случается и не такое...

— Гней убит и Цезарю доставили его голову, — буднично сообщил Брут, проводив гостей в зал.

— А Секст?.. — поинтересовался Тиллий.

— Говорят, что он сумел скрыться. Возможно, переправился в Африку...

— Откуда это известно?

— В штабе Цезаря служит Квинт — племянник Цицерона...

— И он написал обо всём дяде?..

— Нет, — Брут усмехнулся, — они в ссоре. Он написал отцу, а тот...

Дальнейшее в пояснении не нуждалось. Все знали, что сам Цицерон с давних пор был в тесной дружбе с Брутом и, конечно же, всё ему передал.

— Но что самое главное... — хозяин сделал внушительную паузу. — Теперь он хочет покорить весь мир!..

— Кто?!.. — не поверил Тиллий.

— Цезарь...

— Это написал Квинт? Своему отцу?..

Брут кивнул сидящей головой:

— Ну да... Юнец захлебнулся восторгом... Весь мир, представляете?!..

Кассий злоуще усмехнулся:

— Наш припадочный тронулся умом окончательно...

— Цицерон так и говорит, — подхватил Брут, — почти слово в слово.

— Он это может, — убеждённо подтвердил Тиллий.

— Завоевать весь мир? — усомнился Кассий.

— Нет, — вместо Тиллия ответил Требоний, — но он будет пытаться это сделать.

Вот увидите!..

— Один уже рискнул это совершить, а чем всё закончилось?..

— Александр Македонский?

— Нет, Марк Лициний Красс. Слава Македонского никому не даёт покоя. А больше всех — честолюбцам и авантюристам...

В зал заглянул слуга. Хозяин встал:

— Прошу к столу. Сегодня как-никак праздник...

Войдя в триклиний, гости разместились за накрытым столом, улегшись на просторных ложах.

— Как он ловко подгадал, — с издёвкой воскликнул Кассий, — битву затеял в Либералии, а возвестил о победе в Парилии!..

— Если его не остановить, — убеждённо произнёс Тиллий, — он никому не даст жизни!..

Брут придвинул кубки гостям и взял в руку свой:

— Давайте не будем забывать, что наш Рим ещё стоит... И в него ведут все дороги...

Он видел Ромула, Нуму, Тарквиния, Кориолана... Пережил Ганнибала, Мария, Суллу, Помпея... — Брут поднял кубок. — Надеюсь, переживёт и Цезаря!..

Собравшиеся дружно подняли бокалы.

— За Рим! — воскликнул Требоний.

19

Поздним вечером, проводив озабоченных гостей, Брут зашёл в комнату матери. Матрона Сервилия уже готовилась ко сну.

— Садись, — она указала на стул возле кровати. Сын сел, уже по тону чувствуя, что мать настроена на серьёзный разговор. — Что вы там замышляете? — без обиняков спросила она. Брут отвёл взгляд. — Ты уже успел забыть, что Цезарь спас тебе жизнь? Тебе и твоему дружку Кассию... Вот ваша благодарность!..

— Это, между прочим, твой зять... — вяло огрызнулся сын. Сервилия приподнялась на локте:

— Я это помню, но вы оба хороши. Сколько ни делай вам добра — всё мало!

— Он убил старшего сына Помпея! Месяц тому назад...

— А сам Помпей убил твоего отца!.. — эти слова прозвучали негромко, едва слышно, зато отчетливо.

— Я знаю, — ещё тише отозвался сын, — это приказал ему Сулла.

— Суллы уже не было на свете... Он умер! — бесстрастно отрезала женщина. Брут безмолвствовал, но даже в скудном свете масляного ночника было заметно, как омрачилось его лицо. — Я понимаю, — назидательно продолжала Сервилия, — твой отчим Силан — недолюбливал Цезаря, а твой покойный тесть Катон — ненавидел его лютой ненавистью... И они оба влияли на тебя. Ведь так?..

— Зато ты любила его... — неожиданно возразил сын. Пожилая женщина смутилась. Склонив гордую седую голову, она стала упорно тормошить и без того взбитую подушку. — То, что я остался жить, — это твоя заслуга, а вовсе не Цезаря, — заметил он примирительно, — я это понимаю, но и ты пойми меня...

— А что я ещё должна понять?.. — Сервилия сумела взять себя в руки.

— Этот человек — сумасшедший! Он хочет завоевать весь мир... Ты можешь это представить?!..

Женщина, против ожидания, не возмутилась и не удивилась.

— Ну, и что тут такого? Вас — мужиков — разве поймёшь? Мой сводный брат и твой тесть Катон всю жизнь хотел возродить республику и воскресить былые добродетели... А чего добился?.. — Сервилия, укоризненно взглянув на сына, увидела на его лице глухую стену отчуждения. — Ты — мой единственный сын, — голос у женщины дрогнул, — других у меня нет... — взгляд Брута смягчился. Потеплел. — Я не просила Цезаря, чтобы он пощадил тебя!.. — мать перевела дыхание. — Он сделал это сам. Сам, ты слышишь?!..

— Только помня тебя... — мягко, но настойчиво возразил Брут.

Женщина не желала спорить, она лишь сделала попытку образумить его:

— Марк, я прошу тебя!.. — в голосе матери звенели слёзы. — Не делайте ему зла! Пожалейте его!.. Ради всех богов!.. — она уткнулась в подушку.

Сын минуту созерцал её растрепавшиеся седые волосы, содрогающиеся в рыданиях плечи. Потом нагнулся, положил ладонь на спину матери и стал бережно и нежно гладить её... Он знал, что мать — гордая и сильная женщина, истинная патрицианка, принадлежавшая к одному из самых именитых родов Рима. Сервилии, как Метеллы, Сципионы и Юлии, дали Римской республике целую плеяду известнейших полководцев, консулов, цензоров и были её честью и славой...

А его покойный отец — Марк Юний Брут — тоже происходил из древнего патрицианского рода, знаменитого тем, что из его рядов часто вырастали бунтари и трибуны. Особенно прославился его далёкий предок — Луций Юний Брут, изгнавший последнего царя Тарквиния Гордого и ставший первым римским консулом. Именно с него и началась Римская республика...

Плечи матери перестали ходить ходуном. Она успокоилась и примолкла. Видимо, уснула. Услышав её мирное, размеренное дыхание, Брут осторожно поднялся и на цыпочках вышел вон...

Просьба пожилой женщины, её слёзы и жалобы растревожили, разжалобили сына. Он уже был готов дать себе клятву выполнить всё, о чем она просила. А упоминание о том, что покойный Помпей казнил его отца, пробудило в нём горестные воспоминания. Расстроенный и поникший, Брут тихо направился в спальню, надеясь, что Порция уже крепко спит.

— А ты не бойшься, что она вас выдаст?.. — встретил его настороженный шёпот жены.

Брут вздрогнул. Порция полулежала на кровати, глядя на супруга строгими, неуступчивыми глазами. Она очень походила на своего отца — негибавшего трибуна — Марка Порция Катона: тот же цепкий, настойчивый взгляд, сурово сжатые губы. Брут не сразу нашёл с ответом.

— Нет, не боюсь... — медленно произнёс он.

— Это почему?..

Супруг подошёл к постели, неспешно разделся.

— Она всегда выручала меня... — он присел на край кровати. Порция скрестила на груди небольшие крепкие руки:

— А что она сказала?..

— Что сказала? — он едва заметно улыбнулся. — Сказала, что нас — мужчин — трудно понять...

— Как так?.. — в лице жены мелькнуло недоумение. Брут попытался объяснить:

— Вспомнила твоего отца, который безуспешно сражался за республику...

— А при чём тут мой отец?.. — ревниво откликнулась Порция. Супруг стал неловко оправдываться:

— Мы говорили о Цезаре. Я сказал, что он решил завоевать весь мир...

— Завоевать весь мир? Как?!..

— Не знаю как, но хочет...

— Он с ума сошёл!.. — глаза Порции загорелись страхом и ожесточением.

— Вот и я о том же...

Порция помолчала, пытаясь собрать воедино нынешние тревожные события и воспоминания о прошлом, потом проговорила с плохо скрытой неприязнью:

— Она всегда ненавидела моего отца...

Брут опустил голову. Он знал, что это неправда. Его мать — Сервилия — вполне уважительно относилась к своему сводному брату, но, будучи старше, она не слишком всерьёз принимала его действия и убеждения. В семье это случается. И потом роды Сервилиев и Порциев всегда соперничали между собой.

— А этого припадочного она никак не может забыть! Хотя — пора бы!.. — молодая женщина выразительно сжала твёрдые губы.

Супруг хотел вступиться за мать, но вдруг понял, что делать этого не следует. К сожалению, примирить обеих женщин было сверх его сил и возможностей. За спинами у той и другой громоздились вековые наросты семейных привычек, взглядов, норм и предрассудков. И одна, и другая ничем не желали поступиться...

20

Взволнованная тревожными, противоречивыми слухами, Кальпурния долго не находила себе места. Огромный город — мировая столица — жил в нервном, суматошном возбуждении. Сторонники и противники всемогущего диктатора, в зависимости от своих симпатий и антипатий, строили самые невероятные, чудовищные предположения...

Многим казалось, что победоносный Цезарь, одолев своих заклятых врагов, вот-вот вернётся в вечный Рим и устроит такое!.. А что именно свершит славный полководец и единовластный хозяин чужих судеб — это было ведомо только ему одному...

Супруга диктатора, наконец-таки, уверилась, что муж жив и здоров. Итоги громкой победы её не слишком волновали; как любая женщина — она совсем не разбиралась в том, какое количество врагов разбил Цезарь и какой ценой ему достался триумф. Главное, что он остался цел и невредим. По давней, укоренившейся традиции, Кальпурния знала — победителей не судят, а ей, как супруге триумфатора, завидуют все. Но самой себе она не завидовала...

Одолев три года назад Великого Помпея и вернувшись из труднейшей, кровопролитнейшей поездки по Африке, Цезарь, разумеется, привёз горы чужеземных сокровищ: золотые и серебряные украшения, жемчуг, изумруды, алмазы, тончайшие ткани...

Кальпурния была вольна выбирать из всего этого добра любое, чего пожелает душа. Но ей почему-то мечталось о другом: она наивно полагала, что удачливый пятидесятидвухлетний полководец, взяв верх над своим вечным соперником, наконец, угомонится. Оставит на время, а может — навсегда свои бесконечные битвы то с внешними, то с внутренними врагами...

Однако этого не случилось. Цезарь отправился в Испанию. И, разгромив там сыновей Помпея, он почему-то не спешил возвращаться и даже не известил никого из родных и близких об очередном успехе. Кальпурния не осуждалавоенравного супруга, наоборот — она пыталась оправдать и объяснить его упорное молчание.

Вполне вероятно, что он скорбит о гибели Гнея и Секста, которые полегли в ожесточённой схватке, и знаменитый род блестящих военачальников пресёкся. Возможно, и сам Цезарь серьёзно ранен и потому не желает извещать об этом своих земляков, среди которых немало его злейших врагов...

Вспомнив рассказ матери о встрече с дочерью Помпея, Кальпурния подумала, что её муж сам хотел когда-то жениться на сестре Гнея и Секста, а их мать — Муция («Муцилла», так дразнил её городской плебс) — была в прошлом его любовницей. И Великий Помпей, вернувшись с далёкого Востока, разошёлся с женой, узнав об этой связи.

Но потом полководцы помирились, и Цезарь выдал за Помпея свою дочь Юлию. И кто знает, не умри она пять лет спустя — возможно, между её мужем и её же отцом не разразилась бы чудовищная вражда, закончившаяся гибелью сильной половины рода Помпеев...

Частые любовные интрижки Цезаря не были чем-то исключительным — здесь он слыл ничем не хуже и не лучше других. И не только римские патриции, но и многие знатные патрицианки часто становились героинями цветистых уличных историй и легенд, весьма неместных и скабрёзных. Знаменитую Клодию, якобы отравившую своего престарелого супруга и беспрестанно менявшую любовников, дразнили «грошовой Клитемнестрой». И не секрет, что представительницы знатных фамилий находили утешение в объятиях рабов и гладиаторов...

Но Кальпурния, в отличие от второй жены Цезаря, могла действительно слыть «вне всяких подозрений». Она была женщиной впечатлительной, любящей и верной. Её супругу в этом смысле крупно повезло, хотя в этом везении он не слишком нуждался.

Достигнув пика своей военной карьеры, блистательный полководец уже не столь заботился о чести семьи. Перед ним, точнее — у его ног раскинулся мир грандиозных свершений и непокорённых земель. О каком маленьком личном счастье может грезить человек, если в его власти целая вселенная?!..

Только Кальпурния, не понимая этого, всячески стремилась сохранить для мужа домашнее тепло, покой и уют. И еще её заботило дальнейшее продолжение его рода. Маленький белокожий мальчик не выходил у неё из головы. Теперь, после победы Цезаря над остатками целой армии недругов, его сыну ничто не грозит. Он — единственный прямой наследник её обожаемого супруга.

И тут крамольная мысль пришла на ум бездетной женщине: «А что если упросить, умолить гордую египетскую царицу отдать ей — Кальпурнии — на воспитание этого прелестного мальчугана? Ведь такие случаи бывают — в Риме это не редкость. Тот же консул Марк Антоний воспитывался в семье Лентула Суры. А Марк Брут рос в семье Юния Силана. И что такого, если маленький Цезарион останется жить у своего родного отца?»

Она с живостью и нетерпением представила себе, как бережно и терпеливо станет ходить за драгоценным отпрыском диктатора. Каким вниманием и заботой он будет окружён. Она воспитает из него истинного, безупречного гражданина Римской республики, достойного славы своего великого отца...

И с этими благородными намерениями Кальпурния приказала подать закрытые носилки, чтобы без промедления осуществить свою мечту. А на всём пути от дома до роскошной виллы Клеопатры, супруга Цезаря рисовала в своём воображении сцены несбыточных семейных идиллий... Как будет потрясён и обрадован Цезарь, когда увидит в родных стенах свою уменьшенную копию! Как начнёт восхищаться его умом и талантами! Как станет благодарен ей — Кальпурнии — за неожиданный подарок!..

Вилла чужеземной обольстительницы встретила её пышной зеленью цветущих миртов, платанов, лавров и... непривычной тишиной. За ажурной бронзовой оградой не было видно смуглых полуголых тел, не слышалось гортанных, резких голосов и заливистого смеха...

Кальпурния намеревалась отправить на разведку служанку, но в это время к воротам подошёл сторож и громко заявил:

- Царицы нет. Она уехала...
- Она уехала? Куда? — жена диктатора выглянула наружу.
- К себе... — привратник добавил солидно. — В свой Египет...
- Давно?
- Три дня назад... Села на корабль и уплыла. Никому ничего не сказала...

Кальпурния обескураженно откинулась на сиденье, задёрнула занавески. Ей вновь не повезло...

21

Сочинив памфлет, посвященный нестигаемому республиканцу Катону, Цезарь издал указ, предписывающий гражданам Рима уменьшить траты на приобретение слишком дорогих вещей и продуктов питания. Его окрестили «Указом против роскоши».

Затем он обратился к внутренним проблемам Иудеи и отправил в сенат несколько распоряжений, из которых следовало:

«Гай Юлий Цезарь, в четвертый раз выбранный полномочным диктатором уже пожизненно, в своём постановлении относительно запрещения всяких сходок в городе Риме изъясил иудеев из общего правила и разрешил им собирать деньги и собираться на совещания».

Поллион и Альбин, прочитав это послание, увлечённо заспорили. Легат настаивал, что диктатор наконец намерен успокоить мятежную провинцию, Альбин же предполагал, будто у того более изощрённые намерения.

— А для чего ему нужно усмирять евреев? Что за странная блажь?..

— Надо же когда-нибудь прекратить эту беспрестанную смуту! Пусть они угомонятся!

— Ты сравни эти пункты... Римлянам запрещаются всякие сходки и обширные траты, а евреям — наоборот... Своим гражданам свободы урезаются, зато чужакам — полная воля!.. Разве это справедливо?..

— Ну и что из того?..

— А ты, надеюсь, не забыл о его грандиозных планах? Он их, между прочим, не отменил!..

— Завоевать весь мир? Ты об этом?

— Вот именно! Но для начала нужно разбить парфян... — Альбин поднял указательный палец. — А дорога в Парфию лежит через Иудею, к твоему сведению... А как ты думаешь — можно ли идти на кого-то войной, имея за спиной беспокойный тыл?

Но Поллион стоял на своём:

— В любом случае нам нужна хотя бы короткая передышка...

В палатку вошёл диктатор:

— О чём спор, друзья?

Он был бодр, оживлён и полон сил.

Альбин отрапортовал:

— Мы говорили об обстановке в Иудее. Как, мол, там обстоят дела?..

— Ну, и?..

— Эти евреи всегда были беспокойным народом. От них лишь одна головная боль!.. — ловко вывернулся Альбин.

— Верно. Но я надеюсь их усмирить, потому что через них придётся идти на Парфию. Другой дороги нет...

Тут Альбин исподтишка метнул заговорщицкий взгляд Поллиону.

— А потом? — заинтересовался тот.

— Потом? Завоюем парфян... — Цезарь подошёл к столу, на котором лежала карта, провёл по ней худым гибким пальцем. — Дальше перейдём Гирканские (Кавказские) горы... — палец скользил по карте. — А далее вдоль берега Понтийского (Чёрного) моря вторгнемся в Скифию. Захватим её и повернём на запад... Завоюем Дакию, затем Фракию, Германию. И через Галлию вернёмся домой. В Италию!..

— А хватит ли у нас сил? — с сомнением откликнулся Альбин.

— Вот потому-то я и стремлюсь поскорее закончить эту войну! И не жажду пролития крови своих врагов. Многих я готов простить и простил... Гражданская война — это общее бедствие, ведь так?.. Те же Брут, Кассий и Цицерон, которые всю жизнь плели против меня интриги, не нужны мне в качестве ритуальных жертв. Пусть себе живут, только не вредят...

— Думаю, что они вряд ли успокоятся! — с сомнением произнёс Поллион.

— Никто уже не помнит, что Помпей казнил отца Брута, а Цицерон повинен в смерти отчима Антония!.. — Цезарь горько усмехнулся. — И лишь я один был противником этой бессудной расправы...

— А когда это случилось? — любопытствовал легат.

— Это было в тот год, когда у Цицерона кончался срок его консульства, в декабре месяце... Почти двадцать лет назад...

— Это был заговор Катилины?.. — подсказал Альбин. Диктатор кивнул лысеющей головой:

— Так его прозвали с подачи Цицерона... Насколько всё было серьёзно — никто не знает, но наш знаменитый оратор обвинил четвёрку сенаторов и отчима Антония — Лентула Суру — в попытке свергнуть законную власть!.. — узкогубый рот Цезаря скривился в иронической гримасе.

— И что?

Диктатор развёл руками:

— Всю пятёрку палач придушил в подвале тюрьмы... Совсем как подлых, грязных рабов!..

— Их придушили — и всё?!..

Цезарь словно ждал этого вопроса:

— Нет, не всё! Этот выскочка Цицерон отыгрался на всю катушку — римляне носили его на руках, провозгласили «Отцом отечества»! Спасителем всей Италии! Самим Юпитером!..

Приближенные насторожённо молчали. Как ни старался рассказчик скрыть свою лютую ненависть к прославленному оратору за едкой иронией — она лезла изо всех щелей. Поллиону это казалось почти закономерным, Альбину же вдруг почему-то подумалось, что диктатор ничего и никого не забывает. А его расположение или неприязнь зависят только от осязаемой выгоды.

22

В здании курии на вершине Капитолийского холма было шумно. Отцы-сенаторы, хмуро выслушав указы, написанные рукой Цезаря, возбуждённо переговаривались. Многих крайне возмутила фраза, которая гласила, что «он выбран полномочным диктатором уже пожизненно».

— Я что-то такого не припомню! — запальчиво выкрикнул Гай Кассий.

— Чего ты не припомнишь? — тут же откликнулся Долабелла.

— Чтобы мы когда-то выбирали пожизненного диктатора!..

— Даже Сулла не был таковым!.. — поддержал Кассия известный историк Корнелий Непот.

Марк Антоний, внимательно слушая возникшую перепалку, решил — пока не поздно — вмешаться:

— Уважаемые избранники народа! — зал слегка притих. Требоний, сидевший с краю, не открывал рта. — Разве не мы с вами в этом здании, ещё год назад, продлили Цезарю его чрезвычайные полномочия?! Не этого ли требовала обстановка в стране? Причём продлили единогласно! — он встретился глазами с Кассием. — И ты, дорогой Гай Лонгин, не голосовал против...

— А он едва не лишился головы!.. — с ехидцей прибавил Долабелла.

Многие из сенаторов понимающе усмехнулись. Марк Брут, сидя рядом с Цицеро-

ном, седым, многоопытным, не утратившим живости и остроты ума, толкнул коленом знаменитого оратора. Тот сразу одёрнул бывшего зятя:

— Зато он не потерял рассудка, подобно некоторым!..

Курия вновь загудела. На подмогу Антонию пришёл неизменный союзник диктатора Луций Бальб:

— Дорогие сограждане! Давайте не будем забывать, что стараниями нашего победоносного полководца гражданская война, наконец-таки, прекратилась! Разве не все мы страдали из-за неё?!..

Эта демагогическая тирада, как ни странно, умерила общий пыл. Отцы-сенаторы, волею случая воевавшие друг против друга, подавленно умолкли.

Антоний вновь взял слово:

— Теперь перейдём ближе к делу. Цезарь предписывает гражданам Рима уменьшить ненужные, пустые траты и прекратить всяческие сходки. Что в этом плохого? Зачем нам собирать толпы людей по любому, самому ничтожному поводу?

После этих слов Цицерон резко встал, намереваясь выйти вон. Между рядов пронёсся шум. Антоний насторожился:

— Ты куда, Марк Туллий?

Цицерон обречённо поднял руки:

— Я исполняю указ Цезаря... Разве это не сходка?.. — он покрутил головой, показывая взглядом на присутствующих.

Вся аудитория, даже недруги оратора, не смогли удержаться от смеха. Кто-то смеялся громогласно и от души, кто-то злорадно и с издёвкой, а кто-то украдкой и втихую. Долабелла заливался громче всех — шутка бывшего тестя искренне развеселила его. Требоний вёл себя гораздо скромнее. Только Антоний крепился из последних сил — его большое лицо перекошилось от науги. А Цицерон, под общий шум и гвалт, молча прокладывая себе дорогу. На выходе из зала он остановился в дверях и, дождавшись относительной тишины, заявил смиренно:

— Пойду выполнять вторую часть указа. Буду есть гнилые сухари и пить дождевую воду... И всю семью заставлю делать то же самое!..

Здание курии вновь содрогнулось от громового хохота. Верные пособники диктатора с тревогой ощутили, что строгие предписания хозяина способны превратиться в пустой звук. Гай Оппий — самый преданный прислужник Цезаря — решил перехватить инициативу. После очередной волны смеха он заносчиво выкрикнул:

— Хорошо веселиться тому — у кого чисты совести и руки!..

Цицерон уже исчез за порогом, а большинство сенаторов озадаченно примолкли.

— Ты на что намекаешь? — с вызовом бросил Кассий. Оппий ответил уклончиво:

— Вместо того, чтобы ёрничать и потешаться — неплохо бы задуматься о судьбе страны. За этим мы здесь и собрались!..

— Вот именно! — тут же подхватил Антоний. — Мы ведь не в цирке. Для чего нам эти балаганские шутки? Кого они могут радовать и умилять? Только врагов отечества... Цезарь достиг главного, все смутьяны получили по заслугам!.. В Италии, наконец, наступил мир и покой. Гражданская война прекратилась его героическими усилиями... И никто не смеет это отрицать!.. А теперь он хочет погасить все тлеющие угольки былой смуты... Вот потому он и запретил любые сходки... Для нашего же блага!..

— А иудеям разрешил! — ядовито вставил Кассий.

Антония поддержал неугомонный Долабелла:

— Иудеи в этой войне не участвовали! Оставьте их в покое...

Дотоле упорно молчавший Брут вмешался в разгоревшийся спор:

— Ну, допустим! Они не участвовали... А чего хотят от нас? По какому-такому случаю мы находимся здесь? Разве без нас нельзя обойтись? Или кому-то нужно наше присутствие?! Зачем?!..

И притихшие сенаторы вдруг почувствовали себя частью чего-то важного и нужного. Даже надменный диктатор не мог совсем отринуть их. А верная свита Цезаря с тревогой и огорчением уразумела, что пустыми, звонкими фразами тут не обойдётся.

— Вы же — важное подспорье государства... — неловко промямлил Антоний.

— Его непрременный, главный орган, — подхватил Бальб.

Брут криво усмехнулся:

— Вы превратили этот орган в ненужный отросток... В жалкую бородавку!.. Разве нет?.. Если диктатору нужно наше молчаливое пособничество — мы готовы на это. Или его устраивает только неистовое одобрение и клики восторга?! — Брут гневно окинул взглядом собравшихся. — Тогда вопите во всю мочь — да здравствует Цезарь! Дружнее! Ну!..

Сенат молчал.

Требоний в раздумье и тревоге медленно спускался с Капитолийского холма, не зная, что дальше предпринять? Его неожиданно нагнал Антоний. Дородный, осанистый, с румяными щеками и густой, курчавой бородой, он сверху глянул на бывшего наместника и бодро спросил:

— Ну, как тебе новый указ?

Требоний пожал плечами:

— Иного я и не ждал.

— Я вижу — ты не рад?

— А чему тут радоваться? Не вижу смысла...

Антоний почему-то оглянулся.

— Надо полагать, что у него далеко идущие планы...

— У Цезаря? — Требоний сбавил шаг.

Сзади послышались голоса и через мгновение умолкли. Брут с Кассием прошествовали мимо. Антоний указал на них движением окладистой бороды, пробурчав негромко:

— Подались дружки-приятели! Никак не могут уgomониться...

— Ты имеешь в виду выступление Брута в сенате?.. Но он прав.

— Может быть... А Цицерон? Вот так отчебучил! Чуть не сорвал заседание...

— У меня тоже нет ни малейшего желания участвовать в этой комедии. Тошно от всего этого делается — хочется ударить на край света!..

Консул, несмотря на свой немалый рост и широченные плечи, выглядел испуганным ребёнком. И Требоний вдруг понял — у этого румяного здоровяка мелкая душа, жаждущая чьей-то твёрдой, уверенной длани. Нет, он не трус и не захребетник, а только лишь послушный исполнитель чужой воли. Причем обладатель этой воли должен находиться где-то поблизости и лучше на расстоянии вытянутой руки.

— Тут невольно подумаешь — что же делать дальше? Как быть?.. — бывший наместник намеренно произнёс всё это тоном колеблющегося, не слишком уверенного в себе человека. Антоний растерялся ещё больше.

— Что ты имеешь в виду?

— Да как тебе сказать... Сегодня он сочиняет указ против роскоши, а завтра... — Требоний недоумённо развёл руками.

— Тут ты прав. Мне это тоже не по нраву...

Здоровяк, несомненно, кривил душой. Ему, как ближайшему пособнику Цезаря, наверняка ничего не грозило. Эти указы писались не для него. Однако Требоний совсем недавно был правой рукой диктатора, и его протест настораживал. Антоний явно не желал угодить впросак.

— Это в бою ты во всём обязан подчиняться командиру, а в мирной жизни?.. — вполне искренне, словно недоумевая, произнёс Требоний.

Собеседник тут же купился на этот зов обеспокоенной души:

— Конечно. Разве я не могу пить и есть, что хочу?! Жить, где вздумается, и носить то, что мне по карману?.. И никто мне не указ!..

Спутники пристально посмотрели друг на друга, и Антоний встревоженно двинулся дальше. Бывший наместник едва поспевал за ним вослед. Глядя на его высокую, внушительную фигуру, Требоний вспомнил, что консула часто сравнивали с Гераклом за исполинский рост, мощный торс и большое, с широкими дугами бровей лицо. И подобно греческому герою, попавшему однажды в рабство к красавице Омфале, Антоний, по всей видимости, угодил в крепкие сети к разбитной вдове Фульвии. Не она ли размягчила и расслабила его податливую душу?..

— Нет, этого терпеть нельзя! — тихо процедил бывший наместник. Спутник мгновенно откликнулся:

— Дети Помпея тоже не хотели терпеть, а что толку?! — в большом лице Антония проглядывали страх и дерзость одновременно. Он словно остерегался своих дерзких, коварных мыслей, зато хотел услышать их от соседа.

— Ты всерьёз думаешь, что Цезарь велик и непобедим? И подобен самому Марсу?.. — вопросом ответил Требоний. — А помнишь, как он униженно умолял солдат не разбегаться и потуже затянуть пояса перед битвой при Фарсале?..

— Но мы тогда победили... — попытался возразить Антоний.

— Победили благодаря глупости и зазнайству Помпея! А сейчас он одолел Гнея и Секста только потому, что они оба — неопытные юнцы!.. Разве может неразумная прыть противостоять холодному расчету?! Я в это не верю...

Консул, наконец, не выдержал:

— Что ты предлагаешь?..

Бывший наместник, не желая впрямую отвечать на этот провокационный вопрос,

бросил небрежно:

- Между прочим, у многих порядочных людей давно иссякло терпение...
- У Брута и Кассия... — ехидно подсказал спутник.
- Не только у них! — в голосе Требония прозвучала угроза.

Антоний исподлобья кинул на него быстрый, обеспокоенный взгляд, как бы намекаясь в чём-то признаться и в то же время остерегаясь излишней откровенности. Кто знает, к чему она приведёт?..

Бывший наместник терпеливо ждал. Он понимал, что почти выдал себя, и, тем не менее, рискнул услышать определённый ответ. Однако консул недовольно крякнул и решительно зашагал вперёд...

Требоний, с неудовольствием глянув на его широкую спину, отчётливо понял, что собеседник вовсе не желает высказываться до конца. Наверняка, диктатор во многом ему не по нраву, только восставать против него Антоний пока не намерен.

И чего же теперь ждать? А что если их сумбурный, но откровенный разговор дойдёт до ушей Цезаря? Что тогда?..

24

Всю весну и последующие летние месяцы Римская республика не знала покоя. Победоносный полководец, окончательно добивший всех своих «кровных» врагов, не спешил возвращаться в столицу. Но понемногу в городе стали появляться сподвижники Цезаря. Они, как правило, привозили очередной указ диктатора. Один указ озадачил всех — и друзей, и врагов. Цезарь приказал восстановить все статуи Помпея, сброшенные в верноподданническом порыве приспешниками диктатора со своих пьедесталов.

По этому курьёзному случаю спешно собрался сенат. Сторонники Цезаря и формальный глава государства Марк Антоний хранили неловкое молчание. Зато его недруги оживленно переговаривались, однако не решались брать слово. Они старались понять, что сие значило. Наконец, отважился выступить Цицерон. Пожилой консулярий и закоренелый враг диктатора начал речь весьма неожиданно:

— Это решение, дорогие сограждане, должно только приветствовать! Я берусь утверждать, что, восстанавливая статуи Великого Помпея, Цезарь воздвигает себе ещё более величественные!.. — Цицерон приложил руку к груди: — Поверьте мне, это шаг, достойный выдающегося государственного деятеля и гражданина! И мы должны благодарить его...

Приспешники диктатора дружно зашумели:

— Это правда! Только Цезарь способен на такое! Никто не сравнится с ним в великодушии и щедрости!..

Ближайший прислужник диктатора Бальб вскочил и предложил:

— А вы не думаете, что давным-давно пора возвести внушительный храм, посвящённый победам нашего прославленного полководца?! Разве он не достоин этой чести? Своими величайшими подвигами Цезарь превзошел Александра Македонского! Кто ещё смеет сравниться с ним в доблести и отваге?!..

— Верно! Давно пора! Да здравствует Цезарь! Слава Цезарю!..

Недруги диктатора стали осторожно выбирать на волю. На улице Кассий принялся ругать Цицерона.

— Он что, совсем умом тронулся? Зачем он начал хвалить тирана? Спятил на старости лет!..

Брут пытался успокоить друга:

— Не кипятись! Старик не виноват...

— Как же не виноват? А кто предложил поставить статую этому кровососу?!

В спор вмешался Требоний:

— Гай, ты это напрасно! Цицерон говорил иносказательно, в смысле того, что Цезарь поставит себе памятник тем, что восстановит статуи Помпея...

— Вот увидите — скоро они нагромоздят ему и памятников, и храмов, и святилищ!..

Требоний неожиданно прибавил:

— Мне прислал письмо Альбин. Цезарь, по его уверениям, намеревается отпраздновать свой триумф...

— Не может быть! — тихим голосом произнёс Брут.

Первым пришёл в себя Кассий:

— А почему нет? Он же победил!

— Но кого он победил?! Своих же сограждан... В нашей истории такого ещё не было... — глаза у Брута мстительно сверкнули. — Даже Сулла, разгромив своих врагов, ничего не праздновал... Я думаю, что ему это и в голову не приходило!..

— Но ты же сам слышал, что Цезарь превзошёл всех полководцев! Даже Александр

Македонский — просто дерзкий захватчик в сравнении с ним! И что для него какой-то жалкий Сулла!..

25

Фульвия была настроена весьма решительно:

— Нет, дольше выжидать нельзя! Я не понимаю, чем вы занимаетесь там в сенате?

Сплетни, что ли, слушаете?

— Уже третью неделю я там не был... — лениво пробурчал глава государства.

— Вот-вот! — подхватила сожительница, — Ты торчишь дома и глушишь вино — а за твоей спиной они там обдывают свои тёмные делишки!..

— Ни черта они там не делают!

Маленькая, юркая женщина, бывшая жена когда-то знаменитого смутьяна и наглеца, не находила себе места. Вероятно, бурное прошлое наложило неизгладимый отпечаток на её характер и привычки. Она не могла пребывать в тишине и покое.

— Ну, ладно, пусть они не ходят в сенат, а дома?..

— Что дома? — не понял Антоний.

— Разве Брут, Кассий и Цицерон сидят сложа руки?..

— Пусть не сидят, а что они могут сделать? У них нет ни одного легиона солдат, нет никакой силы и влияния... Ну, что они могут предпринять?..

— Ну, хорошо... А что дальше? Дальше-то как?..

— Ты о чём?

Фульвия развела руками:

— Твой Цезарь разбил сыновей Помпея и торчит там, в Испании... Шлёт вам всякие приказы и указы — вы собираетесь, чешете языками и расходитесь по домам... И всё?!..

— А что ты хотела?

— Вот он вернётся, и всё полетит кувырком! Уж поверь мне... По-другому не будет!.. Почему он там торчит? Кто там с ним?

— Децим Альбин, Азиний Поллион, Гай Дидий, Марк Лепид, Квинт Цицерон...

— Альбин — родственник Брута?

— Дальний...

— Квинт — это племянник Цицерона, а кто такой Поллион?

— Его легат.

— Всё ясно, он у них в руках!..

— У кого?

— У Альбина, Квинта и этого легата!

— Ты так думаешь?

— А почему сбежал Требоний?

— У него умер отец.

— Ерунда! Эта тройца его выжила... — женщина хитро сощурилась. — А может, и кто-то ещё...

Бойкая сорокалетняя любовница, не однажды побывавшая замужем, умела манипулировать мужчинами и частенько заставляла их поступать против воли и обстоятельств. Сейчас она навела Антония на мрачные мысли: и вправду — кто знает, что могут предпринять Брут, Кассий и Цицерон, откровенные недруги Цезаря?..

— Ну, хорошо... — сумрачно обронил консул. — Значит, придётся тащиться в Испанию...

— И прихвати с собой Требония... — спокойно, как нечто давным-давно решённое, присовокупила Фульвия.

— Требония-то зачем?

— Пригодится!..

— А что я ему скажу?

— Скажи ему, что вы должны действовать сообща. Против Цезаря плетутся интриги, и вы обязаны...

И тут любовник проговорился:

— Требоний сам...

— Да ты что?! — она уловила всё с полуслова. — Тогда намекни, что ты всё понимаешь и готов ему помочь...

Антоний заупрямился:

— Вот уж нет! Ни за что!..

— Ну, давай-давай! Выждидай!.. И твоей судьбой распорядятся другие! Ты думаешь, что будешь вечно ходить в любимчиках у Цезаря? Как бы не так!.. Сколько их уже сменилось? Не ты первый и не ты последний... А Требоний всё-таки молодец! Сколько же можно ходить в услужении у этого припадочного? Одумался, наконец!.. Не то что другие...

После ухода Требоний Кассий, Брут, Тиллий Цимбер и бывший шурин Цезаря Корнелий Цинна, ожесточённо заспорили. Хотя против того, чтобы Требоний вместе с Антонием отправился в Испанию и встретился там с Цезарем, никто не возражал. Несогласие же вызвало другое: когда Требоний предложил вовлечь в заговор самого Антония. Кассий это горячо поддержал. Цимбер выразил сомнение, Цинна скептически улыбнулся, а Брут всё категорически отверг. Однако Требоний прозрачно намекнул, что предварительный, осторожный разговор с консулом всё-таки состоялся и Антоний не сказал нет.

— Это ничего не доказывает! — упорствовал Брут.

— Как не доказывает?! — Кассий кипел от возмущения. — Наоборот. Значит, он готов нас поддержать!..

Цимбер скромно отмолчался, а Цинна уверенно предположил:

— Скорее всего — он ждал дальнейших откровений...

— Конечно! — согласился Брут.

— А каких? — настаивал его зять.

Цинна перевёл взгляд с одного заговорщика на другого и добавил:

— Он ждал, что ему назовут число участников, их имена, места встреч...

Брут кивнул сидящей головой:

— Именно так. Может, ему хотелось раздобыть улики...

Требоний, желая оправдаться, стал неловко объяснять:

— Вы что, не знаете Антония? Он не столь умён и ловок, чтобы додуматься до такого... Какие имена?!.. Какие встречи?.. Об этом и речи не заходило!..

Брут не стал ловить его на слове, не желая сеять вражду и недоверие в рядах сообщников.

— Антония не надо трогать, хотя бы по причине его недалёкого ума...

Цинна поддержал хозяина:

— Вот-вот. А вдруг он проболтается? Напъется и всё выложит... Об этом ты не подумал?!..

Тогда Требоний сдержанно распрощался с заговорщиками и быстро ушёл.

— Требоний — человек надёжный, — убеждённо заверил всех Брут.

— Он ещё хочет привлечь Децима Альбина, — осторожно вернул Кассий.

С Кассием согласился Цимбер:

— Альбину доверять можно. Мы с ним в одной палатке жили...

И Брут не стал возражать:

— Это мой дальний родственник. Я думаю, с ним будет всё в порядке...

— Тогда надо привлечь и Цицерона! — подхватил Цинна.

— Вот уж нет! — воспротивился Кассий, к недоумению всех собравшихся.

— Это почему? — Цимбер сердито покосился на него, но Брут неожиданно поддержал зятя:

— Пожалуй, я с ним заодно. Цицерон — человек настроения. А потом у него умерла любимая дочь и жена ушла...

— Он уже старик! — напомнил Кассий. Цинна едва не обиделся:

— Я тоже не юноша...

Брут почувствовал, что основное ядро заговорщиков, которое едва-едва окрепло, может развалиться, и напомнил собравшимся, как знаменитый оратор временами откровенно праздновал труса, не проявлял нужной стойкости и мужества, пресмыкался и унижался. Всё это было у них на памяти...

— Но Цезаря он ненавидит, — упорствовал Цинна.

— А кто его любит?.. Прямо до самозабвения?.. — парировал Кассий.

Цимбер стрельнул глазами в сторону, дабы отвести взгляд от хозяина дома:

— Ну, почему же? Есть и такие...

И все сразу догадались, что речь идет о матроне Сервилии, матери Брута. А Цинна, покойная сестра которого была первой и любимой женой Цезаря, сердито засопел. В атрии воцарилась неловкая пауза.

— А когда он будет праздновать свой триумф? — бывший шурин диктатора решил повернуть разговор в нужное русло.

— Откуда нам знать? — резонно возразил Кассий. — Это всё в его руках. С нами он советоваться не станет. Уж поверьте мне!..

— Тогда как нам быть? — вопрос Цимбера сиротливо повис в воздухе.

Заговорщики отлично понимали, что пора бы от рассуждений переходить к определённым действиям, а ничего конкретного никто не предлагал. И даже не заикался об этом.

И вдруг Брут неумолимо ощутил, что в душе каждый из присутствующих мыслен-

но обращается к нему, поскольку главою заговора все считают его. И от этого никуда не скроешься.

— Хорошо. Пусть он празднует триумф!.. На здоровье... — прозвучал среди общего молчания его твёрдый голос.

— А во время этого триумфа... — в глазах Кассия засветились злобные, предательские огоньки.

Цинна криво усмехнулся:

— Рубануть его по тощей шее!..

Брут, как самый рассудительный, продолжил негромко:

— И я не думаю, что у кого-то из римлян возникнет желание встать на защиту тирана, который празднует победу над своими же согражданами...

— Я сам готов взять в руки меч!.. — опрометчиво воскликнул Кассий.

— И я, — поддержал его Цимбер.

— Я тоже... — согласился Цинна.

Хозяин дома молча кивнул головой, но гости и не ждали от него прямого ответа. Каждый житель мировой столицы помнил с раннего детства, что далёкий предок Марка Юния Брута отважно изгнал последнего римского царя Тарквиния Гордого, и с этого началась долгая, блистательная эра Римской республики. Его нынешний потомок просто обязан обогреть свои руки кровью ненавистного тирана...

27

Они ехали по старой Аврелиевой дороге вдоль морского побережья, и с каждым очередным днём пути Требоний, к собственному неудовольствию и тревоге, видел, как меняется настроение его спутника. Вначале равнодушный и безразличный, Антоний становился всё более оживлённым, любопытным и беспокойным. Он живо обращал внимание на поведение жителей окрестных городков и деревушек, охотно расспрашивал случайных встречаемых...

Впрочем, его интересы не распространялись слишком далеко: консула занимало одно — как жители Италии относятся к победе и фигуре Цезаря? И подавляющее большинство смотрело на диктатора вполне благосклонно, особо не восхваляя и не порицая его...

— Ну, вот видишь! — обращая к попутчику широкое, обложенное щетиной лицо, Антоний удовлетворенно улыбался.

— И что из этого? — Требоний снисходительно щурился. — По-моему, им всем на это наплевать! Их не трогают — и ладно... — он подумал и прибавил: — А когда диктатор примется за свои грандиозные планы и объявит всеобщую мобилизацию — вот тогда и посмотрим!..

Они ехали в скрипучей повозке, влекомой парой крепких мулов. Экипаж чувствительно потряхивало на ухабах, и оба седока поминутно стучались плечами, то друг о друга, то в кожаные стенки.

Далеко позади осталась знаменитая речушка Рубикон. Четыре года назад, перейдя её мелкие воды, Цезарь развязал гражданскую войну. Но теперь, казалось, ничто не напоминало об этом грозном, мрачном событии. Слева плескались изумрудные, ленивые волны Лигурийского моря, остро пахло водорослями и увядшими лаврами. Неподкованные, широкие копыта мулов глухо стучали о щербатый булыжник, старательно уложенный руками бесчисленных рабов...

Впереди и справа широко простирались земли беспокойных галлов, их непокорный, переменчивый нрав был знаком Требонию не понаслышке. А дорога повернула на юг, и жаркое августовское солнце светило седокам прямо в глаза...

Согласно тогдашнему римскому календарю, месяц назывался секстилис — шестой, поскольку год когда-то начинался в марте, и диктатор ещё не провёл реформу летоисчисления. А его внучатый племянник Октавиан, в честь которого и будет переименован шестой месяц, названный «августом», был восемнадцатилетним юношей, и судьба его мало кого волновала.

— К вечеру мы, наконец, дотащимся до Массилии? — полюбопытствовал Антоний, помня, что его спутник отлично знает здешние места.

— Думаю, вряд ли, — ответил Требоний.

Восемь лет назад он из последних сил защищал этот приморский город, и если бы не своевременная помощь Цезаря, восставшие галлы наголову разбили бы римский гарнизон. Наместнику не хотелось об этом вспоминать, и он, дабы упредить расспросы, неожиданно произнес:

— Интересно, жив ли Милон?

— Какой ещё Милон?

— Ну, какой-какой... Твой благодетель — неистовый враг Клодия!.. — бывший на-

местник хотел сказать «убийца», но воздержался.

Он помнил, что Тит Анний Милон в уличной стычке прикончил мужа Фульвии, нынешней сожительницы Антония, и по приказу суда был выслан в Массилию. А его дальнейшая судьба была Требонию неизвестна.

— Так Милона же убили!.. — консул с вызовом глянул на соседа.

— Убили? Когда? Где?!

— Под Капуей. Года четыре назад...

Требоний нахмурился. Злосчастный Милон не был ни другом его, ни близким знакомым, но во время своей тогдашней ссылки он здорово помогал осаждённым отбивать атаки обезумевших галлов.

— А кто его убил?

— Кто — не знаю. Но по приказу Цезаря... Милон сумел создать целый заговор. Собрал большой отряд из рабов и гладиаторов. Кстати, его поддерживали многие, даже Цицерон...

— Откуда Цезарь узнал о заговоре?

— Милон, между прочим, из этого секрета не делал. Трезвонил всем и каждому, что терпеть не может этого тощего выскочку!

Требоний вдруг вспомнил недавнюю встречу с Брутом и его сообщниками. А ведь они строго-настрого запретили ему откровенничать с Антонием и посвящать его в их дальнейшие планы!

— Не знаю, слышал ты или нет, — бывший наместник решил отвести разговор в сторону, — но Клодий когда-то хотел убить Помпея и подослал к нему раба с мечом...

Антоний, разумеется, об этой нашумевшей истории знал, однако слишком частое упоминание о бывшем муже любовницы стало его раздражать. Ведь он сам однажды едва не убил его. Клодий тогда спрятался под лестницей в книжной лавке.

— Все они в преисподней! — глаза Антония зло сверкнули. — Там им и место!

Сосед возражать не стал. И оба они, не сговариваясь, подумали, что их поездка не приносит желаемых плодов. Антония мучило обещание, данное Фульвии, — он видел, что Требоний совсем не желает идти на сближение, а бывший наместник опасался неожиданного предательства. Пожалуй, Брут бесконечно прав — Антоний способен выдать его из одного лишь недомыслия.

Впереди показались чьи-то жалкие лачуги...

— Консул, это предместье Массилии! — доложил, подъехав, легионер.

— А ты говорил, что мы до вечера не успеем!

28

Ночь была беспокойной. Они расположились в доме местного пропретора, которого назначил Цезарь, а сам победоносный диктатор ещё не вернулся из Дальней Испании, но его ожидали здесь со дня на день. Хозяин, радушно встретив консула и бывшего наместника, сразу стал интересоваться вестями из Рима. Антония это заметно удивило — ему казалось, что все вокруг должны быть озабочены будущими планами Цезаря и собственной судьбой, напрямую от них зависящей. Но для местного градоначальника не существовало ничего более важного, чем свежие сплетни из мировой столицы...

— Как там себя чувствуют Брут и Кассий? Что вытворяет Долабелла?..

Антоний, возлежа за обильно накрытым столом, отхлебнул здоровенный глоток вина и ответил небрежно:

— Эти два хитреца, как всегда, затаились и упорно плетут интриги... А Долабелла...

— он бросил предостерегающий взгляд Требонию. Тот, сдержав усмешку, выручил сотрапезника короткой репликой:

— Долабелла, как всегда, пьёт и буянит...

Хозяин расплылся в улыбке. Ему, прирожденному римлянину, жизнь в столице казалась гораздо живее, веселее и привлекательнее, чем в далёкой, глухой Массилии, ставшей дальним оплотом римской цивилизации. Он изнывал здесь от скуки и потихоньку попивал...

— Говорят, что в Риме стали восстанавливать статуи Помпея?

Неуёмное любопытство провинциала стало раздражать Антония.

— Пока этого не видно, — ответил за него Требоний, — но был прямой указ Цезаря...

Хозяин выжидательно смотрел на гостей, словно они оба были обязаны снабдить его рекомендациями по дальнейшим действиям.

— А у нас, в Массилии, нет ни одной статуи Помпея! — сообщил он совсем бескураженно.

— И никогда не было, насколько я помню, — подхватил Требоний, видя, что Анто-

ний наливается нетерпением и злостью.

Градоначальник, не будучи дипломатом, выбалтывал все свои сокровенные мысли.

— И что теперь будет? Как сложится наша жизнь?.. Скажу прямо — голова идёт кругом!..

Антоний, чтобы не выругаться вслух, схватил кубок с вином и опорожнил его до дна.

— Вот вернётся Цезарь, и всё прояснится... — негромко и крайне осторожно выразился Требоний, чувствуя, что атмосфера за столом раскалилась до невозможного. Хозяин смиренно опустил веки и пробормотал:

— Может быть, может быть...

Требония занимало одно — соберётся ли его напарник с силой и волей, чтобы тайно выдать его тому, кого они отправились встречать? Хотя, если вспомнить их разговоры, ничего конкретного он ему не сказал. Ни имён, ни планов, ни дат... Были какие-то намёки, однако они настолько общи и расплывчаты, что из них ничего не выжмешь.

Хозяин, несмотря на свое неутолённое желание послушать столичных гостей и вытянуть из них как можно больше сплетен и слухов, повёл гостей в комнаты для отдыха и намеревался уложить их порознь, но консул грубовато распорядился:

— Ты очень-то не суетись. Мы — люди не гордые — уляжемся и в одной спальне, — оставшись наедине со спутником, Антоний раскрыл причину своей невзыскательности: — О чём все они тут думают?! Разве в Риме решаются их судьбы?.. Спрашивает нас о Бруте и Кассии! — Антоний зло сплюнул. — Кого может испугать их мышиная возня?!

— Ты же знаешь, что все люди здесь, в глухой провинции, живут своими взглядами и представлениями... — осторожно возразил Требоний.

— Цезарь вернётся и им покажет!

Медная масляная лампа едва освещала небольшую комнатку, в противоположных углах которой стояло два деревянных ложа. Обширное тело Антония едва помещалось на одном из них. Он подогнул ноги и отвернулся лицом к стене.

Требонию вспомнилась та, восьмилетней давности, осада Массилии, когда этот небольшой приморский городишко плотно окружили восставшие галлы... После двухнедельной жаркой, отчаянной обороны добрая половина защитников была переранена и перебита, подчистую съедены почти все запасы, осаждённые питались одной сушеной макрелью — и тут на помощь им подоспели легионы Цезаря...

29

Утром Требоний осторожно повернулся и бросил взгляд напротив — кровать Антония была пуста. За каменными стенами гудел ровный, деловитый шум, говорящий о том, что все обитатели дома занимаются привычными хозяйственными хлопотами... Требоний сунул ноги в сандалии и вышел из спальни. Навстречу двигался пожилой слуга-галл с кувшином и тряпкой.

— Хозяин у себя?..

— Нет, господин вместе с консулом поехали встречать Цезаря...

— Как встречать?! А как же я?..

Слуга смиренно опустил голову. И тут наместник заметил, что лицо его обезображено шрамами — вся левая щека почти напрочь снесена, а ухо скрыто серыми, давно невымытыми волосами и, видимо, совсем отсутствовало.

— Кто это тебя?

— Вы, господин...

— Я?! — Требоний отступил.

Слуга сделал попытку улыбнуться, насколько позволяло ему страшное увечье, и пояснил совершенно беззлобно:

— Во время осады Массилии, помните?.. А я вас сразу узнал...

Требоний растерялся. Следовало бы пожалеть или хотя бы утешить несчастного, только в суровой душе наместника не было слов для выражения подобных чувств. Он лишь тихо опустил ладонь на вечное плечо галла и легонько погладил его. А искалеченный варвар благодарно облобызал руку, едва не лишившую его жизни...

— Давно они уехали?

— Сразу после восхода... А для вас, господин, в триклинии накрыт стол...

— Спасибо, я не голоден...

— Я могу идти?..

— Иди. Занимайся своими делами...

Он задумался: почему пропретор и Антоний не разбудили его? Что за странная спешка? Бывший наместник заволновался.

Город давно проснулся. Жаркое августовское солнце поднялось уже довольно вы-

соко над красновато-коричневыми черепичными крышами небольших домишек, рассыпавшихся по южному склону Альп, плавно нисходящему к морю.

С трех сторон Массилию окружали каменные стены, а с запада к ней примыкал обширный залив, и, на расстоянии двух полётов стрелы, в нём темнела кучка небольших островов...

Требоний, намётанным глазом окинув небольшой городишко, заметил несколько зияющих проломов в некогда монолитных стенах. Скорее всего, горожане растащили кирпичи на строительство своих неказистых жилищ. Потом перевёл взгляд на море... Оно было молчаливым и спокойным, только крохотные, утлые судёнышки рыбаков недвижимо застыли на изумрудно-синей глади. Массилийцы ловили знаменитую макрель...

Требоний повернул голову в направлении гавани и невольно вздрогнул — у берега стояли боевые римские корабли. До его слуха донёлся привычный шум множества голосов, короткие, чёткие команды, звон оружия, топот солдатских сапог.

Бывший наместник заколебался — идти ли ему навстречу очевидной опасности или встретить её здесь, на террасе чужого дома?

Вдруг плечи и спину его укутал походный плащ. Он повернулся и увидел раба-галла, улыбавшегося ему обезображенным лицом.

Требоний хотел поблагодарить, но не успел — во двор уже входили дюжие преторианцы, а над ними сурово возвышалась худая, вертлявая фигура победоносного полководца. Рядом с ним вышагивал дородный Антоний...

— Привет тебе, Требоний! — громким и, как показалось наместнику, насмешливым тоном выкрикнул Цезарь и обратился к пропретору: — Горожане исправно платят налоги?.. Местная казна, надеюсь, не пуста?..

Хозяин города неловко замялся. Ему очень хотелось выглядеть достойным исполнителем в глазах диктаторского окружения, но риск угодить впросак связал несчастному язык.

— Я собираюсь готовить большую военную кампанию... — Цезарь, не дав ему открыть рта, журавлиным шагом двинулся вперёд, и вся его свита поспешила следом.

Антоний, Поллион, Лепид, Дидий, молодой Квинт, племянник Цицерона, окружали полководца плотным кольцом, ловя каждое его слово. Альбин тихо шепнул Требонию:

— Пока всё спокойно... — он выразительно показал подбородком на широченную спину Антония.

Поднявшись на высокую террасу, важные гости, по просьбе радушного хозяина, сразу прошли в столовую-триклиний. От обильных яств и дорогих вин столы там буквально ломились...

Цезарь, прежде чем улечься на почётное место, полушутливо попенял хозяину:

— А ты нарушаешь мой указ! Причем — демонстративно и беззастенчиво....

Тот вытаращил глаза:

— Какой указ, Цезарь?!..

— Указ против роскоши! — подхватил Антоний.

Свита диктатора угодливо захихикала. Пропретор покаянно склонил голову и развёл руками. Цезарь решительно опустился на ложе, жестом приглашая остальных. Требоний вслед за Альбином улёгся в самом конце застолья, а Поллион с Антонием расположились по обе стороны от Цезаря. И по всему чувствовалось, что диктатор явно благоволит к своему могучему соседу.

Требоний исподтишка бросал на консула внимательные, испытующие взгляды, но Антоний словно забыл о существовании бывшего наместника. Слуги разлили вино по кубкам...

— За долгожданную встречу! — бодро, стараясь заслужить одобрение победителей, провозгласил хозяин.

— И будущий триумф!.. — негромко поддержал его сам Цезарь.

30

И вот грянул триумф. Но ему радовались одни отпущенники и рабы. Даже беднейшая часть городского плебса, всегда жадная до щедрых подачек и пышных, шумных зрелищ, воспринимала происходящее сдержано и тупо. А подавляющее большинство римских граждан с осуждением и неприязнью смотрели на обильно накрытые столы, бесчисленные амфоры с вином, кровавые гладиаторские игры, пёстрые кучки шутов и мимов, кривлявшихся на каждом перекрёстке...

Неумолчный грохот бубнов и тимпанов, визг флейт, низкопробные, мерзкие шутки и телодвижения — то, что обычно заводило и подхлестывало людскую толпу, — теперь вызывало только принужденные усмешки. Даже похабные куплеты, в которых высмеивался сам триумфатор, не веселили горожан...

Цезарь, слыша хлесткие, забористые частушки, в которых его величали то «мужем всех жён, то женой всех мужей», только снисходительно щурился, собрав в мелкие морщины худое остроносое лицо, а приближенные диктатора старательно прятали улыбки...

Триумфатор был облачён в тунику, затканную пальмовыми листьями, поверх неё топорщилась тяжёлыми складками вышитая золотыми нитями тога, целиком обозреть которую можно было, лишь прижмутив веки от её нестерпимого блеска. Плешивую голову полководца кокетливо прикрывал лавровый венок. Кроме ближайшего окружения, Цезаря стерегла бдительная охрана, и число её доходило до двух тысяч дюжих гвардейцев.

Стоило ему появиться на римских улицах — и шумные толпы людей, дотоле чувствовавшие себя более-менее свободными, вдруг цепенели и замирали. Глядя на разнаряженного диктатора и его приспешников, жители вечного города ощущали беспокорство и тревогу...

Иногда из гущи народа прорывался одинокий верноподданнический выкрик: «Слава Цезарю! Да здравствует триумфатор!» Но был он столь фальшив и жалок, что хотелось плюнуть от досады...

Вольноотпущенники и рабы, пользуясь попустительством своих хозяев, решивших на дармовщину накормить и напоить своих слуг, слонялись от стола к столу, без удержу пили и ели, налегали на свинину, дичь, рыбу, овощи и фрукты, запивая всё кувшинами красного вина...

Это был уже пятый триумф, отмечаемый Цезарем. Предыдущие четыре происходили в привычных традициях римской республики, как того требовали её законы и обычаи. Полководец, разбив армии закоренелых врагов Рима, имел полное право отпраздновать свои выдающиеся победы всенародным ликованием...

Цезарь когда-то блистательно воевал в Галлии, завоевывал Британию, усмирял Испанию и потому, с разрешения сената, законно имел возможность проведения пышных торжеств. Нынешнее же событие происходило вопреки всему. Даже последний городской нищий знал, что диктатор разбил и наказал не галлов, бриттов и германцев, а сыновей Великого Помпея и тех римских граждан, которые сражались за республику. Причём всё происходящее свершалось без прямого указания сената, а лишь с ведома самого диктатора...

Все прекрасно помнили, как праздновался галльский триумф полководца, когда по улицам «вечного города», натужно и пронзительно скрипя, катились тяжёлые повозки с грудями вражеских доспехов — мечей, копий, щитов, шлемов... А следом везли горы награбленного добра: золотые и серебряные украшения, кубки, чаши, жертвенники, амулеты... Замыкали пышное шествие плененные галлы, одетые в дырявые, истлевшие лохмотья, с колтунами давно немых волос, со свалывшимися бородами, закопанные в гремящие цепи...

Сам предводитель воинственных варваров, достойный противник Цезаря Верцингеторикс, признав превосходство римского полководца и добровольно сдавшийся в плен, сидел в оковах на тряской тележке и не поднимал головы. А вокруг неистово вопила, реготала и бесновалась римская чернь... И доблестный галльский вождь жалел лишь об одном: зачем после битвы под Алезией он не наложил на себя руки?! Хуже, гаже и омерзительней того, что происходило вокруг, могла быть только жизнь в отхожей яме. А в конце торжества его публично удавили, как бешеного, шелудивого пса...

После пышного триумфа, устроенного Цезарем после победы над детьми Помпея, молодой легат Поллион отметил в своем дневнике, что многодневное торжество было встречено римлянами весьма прохладно, если не сказать хуже. Даже ближайшие приближенные диктатора — Требоний, Лепид, Антоний, Альбин, Долабелла — старались как можно реже бывать на публике, дабы не мозолить всем глаза. Они словно стеснялись своего участия в происходящем. И только Цезарь ничего не замечал. Он неожиданно приблизил к себе своего внучатого племянника Октавия и частенько появлялся с ним на людях в своей тоге триумфатора, с лавровым венком на плешивой голове. Многие отмечали, что юный племянник чем-то похож на дядю: то же бледное, вытянутое лицо, худоба и довольно высокий рост...

Поллион с затаённой ревностью наблюдал родственную пару и однажды, не сдержавшись, проговорился Дециму Альбину:

— Не слишком ли часто наш патрон принимает этого юнца? Зачем он ему?

— Это такая тактика, дорогой мой! Наш властелин никогда не приближает к себе всерьёз и надолго. Ни меня, ни тебя, ни Антония, ни Долабеллу... И у бедного Октавия та же судьба. Цезарь позабавится с ним, пока не надоест...

— Погоди, а Требоний?..

— Тебя удивляет, что его сделали самым ближайшим помощником?.. Но ведь и Брута он назначил главным претором...

Любой римлянин понимал: если диктатор поставил своего главного недруга следить за исполнением законов и общественного порядка в вечном городе — значит, он не желает дальнейших кровопролитий. Хотя кто знает? Возможно, тут таится какая-то хитроумная интрига...

Поллион давно заметил, что и сам Альбин не слишком нуждается в расположении их любимого полководца, иногда позволяя себе ироничные и далеко не лестные замечания в его адрес. Легат объяснял это тем, что его приятель когда-то крепко обиделся на Цезаря. Тот, следуя своей обычной «тактике», вначале приблизил, а затем отдалил его. Вот и результат...

Альбин дружески потрепал собеседника по плечу:

— Успокойся, дорогой! Наберись сил и терпения, — он заговорщицки подмигнул приятелю, — возможно, нам это скоро понадобится...

Поллион сотворил непонимающее лицо:

— Вот как? Зачем?..

Альбин как-то двусмысленно развёл руками, словно не находя слов:

— А война с парфянами? Кто должен отомстить этим злобным варварам за смерть незабвенного Красса?! Не мы ли?.. — это выглядело и смешным, и чуточку издевательским. Поллион с трудом удержал улыбку, однако приятель добавил почти серьёзно: — Опять же — как быть с каналом через Коринфский перешеек и с водами Тибра?.. А ещё он хочет осушить все болота вблизи Помптии...

Легат согнал с лица улыбку. Грандиозные планы диктатора казались воистину беспримысливыми и трудноисполнимыми. Кроме военного похода, должно разгромить и подчинить все ныне существующие страны и народы, Цезарь задумал пересечь канал полуостров Пелопоннес в самой узкой его части, именуемой Коринфским перешейком... Он полагал, что греки станут ему безмерно благодарны за этот царский подарок — из Адриатического моря можно будет попасть в море Эгейское, сократив несколько дней пути. И мало того — заботливый триумфатор не забыл своих отечественных мореходов — он решил отвернуть от вечного города воды Тибра и, прорыв канал длиной в шестьсот стадиев, заставить реку впадать в море вблизи мыса Цирцеи... Там будет гораздо удобнее принимать свои и чужеземные суда. Но для этого ещё нужно осушить обширнейшие болота, в которых когда-то едва не утонул его знаменитый дядя — удачливый полководец Гай Марий.

Честно говоря, и самому Поллиону временами думалось, что все эти захватывающие планы и перспективы едва ли осуществимы, однако молодое поколение, к которому принадлежал юный Октавий и племянник Цицерона Квинт, с восторгом и обожанием внимали каждому слову диктатора. И были готовы самозабвенно следовать за ним всюду...

— А кто будет всё это проводить в жизнь?.. — пожал плечами Альбин. — И воевать, и копать каналы, и осушать болота?.. — оба знали, что согласно последней переписи, проведённой по указу Цезаря, население Римской республики сократилось почти наполовину, таков был печальный итог многолетней гражданской войны... — Можно, конечно, надеяться на то, что мы одолеем парфян, — продолжал Альбин, — возьмём сотни тысяч пленных, превратим их в рабов, — он тихо сплюнул, — и заставим рыть каналы, мостить собственными костями болотную трясиину... Ты помнишь то утро после боя под Мундой?.. Я почти каждую ночь вижу его во сне...

Легат внутренне содрогнулся, понимая, что не ранний восход солнца грезился его собеседнику по ночам, а бескрайнее поле, усыпанное мёртвыми телами, и тучи огромных, мерзких стервятников, безжалостно и жадно терзающих бездыханную плоть...

— Но он сам постоянно рискует своей жизнью... — возразил Поллион. — И под Мундой он сражался наравне со всеми. И с тобой, и со мной... Верим мы этому или нет, но Цезарь — великий человек. Может, самый великий в человеческой истории. Ведь так?..

31

Все мужчины были недовольны друг другом, но тщательно скрывали это. И в глубине души каждый искал главного виновника неудачи. И как-то само собой получалось, что им оказался — Марк Юний Брут. Почувствовав общий опасный настрой, он произнёс:

— Вот я перед вами. Можете сорвать на мне свою злость!..

Кассий запротестовал:

— Лучше скажи, что нам делать дальше?..

Тиллий Цимбер простодушно ухмыльнулся:

— Это ты спрашиваешь у главного претора?.. Он же отвечает за порядок в столице!..

На помощь Бруту пришёл Требоний:

— Цезаря охраняют сотни гвардейцев. И даже я не могу остаться с ним наедине...

В разговор вмешался бывший шурин диктатора Корнелий Цинна:

— Значит, наш хваленый храбрец дрожит за свою шкуру. Раньше за ним такого не наблюдалось!..

...Убить диктатора во время триумфа оказалось невыполнимым — к нему невозможно было подступиться. Даже Требоний, став его правой рукой, не смог бы этого исполнить.

— Тут не должно быть промашки... — словно оправдываясь, заговорил он, почувствовав, что соучастники мысленно сошлись на его кандидатуре. — Его нужно кончать сразу и наверняка!..

— С этим никто не спорит, — Брут поддержал его, — второй попытки уже не будет! Её просто некому будет совершить...

В атриум вошёл слуга:

— Патрон, к вам пришли...

— Пусть заходят...

Вошли Децим Альбин и Квинт Лигарий. Хозяин дружески обнял каждого. Кассий тут же подсел к Альбину:

— Как дела у нашего припадочного?..

— Он разбух от невероятных планов, как беременная женщина...

— Вот только едва ли их можно воплотить! — подхватил Требоний.

Все присутствующие считали, что грандиозные замыслы диктатора — бред больного воображения, их нелепость и смехотворность очевидны...

— Чьими руками он собирается всё это делать?

— Для этого он и собирается воевать с парфянами... Победив парфян, он возьмёт уйму пленных, трофеи и прочее добро... — сказал Альбин и присовокупил: — А ведь под Мундой, по его словам, он сражался даже не за победу, а за собственную жизнь!.. Я тому свидетель...

— Этому когда-нибудь придёт конец?! — Кассий воздел руки с крепко сжатыми кулаками.

— Нет, каков негодяй!.. — покрутил головою Цинна.

— Настоящий кровопийца!.. — охотно согласился Лигарий.

— Люди для него — мусор... — вздохнул Цимбер.

— Иного я от него и не ждал... — мрачно подтвердил Требоний.

— А целый мир, который он собирается завоевать? — спросил Брут.

И в сердце каждого пошевелилось пусть крохотное, но опасение — а вдруг диктатору и в самом деле удастся покорить вселенную? Что тогда?.. Сколько возможностей и благ потом прольётся на Рим? Особенно на тех, кто был рядом с победителем...

— Опшй и Бальб уже приготовили мешки для золота и жемчуга!.. — воскликнул Цинна.

— А что Секст? — поинтересовался Брут.

Цинна, как всем было известно, имел женою дочь Великого Помпея, и её младший брат приходился ему шурином.

— Секст в Африке собирает флот, — ответил он твёрдо.

— Цезарю на море всегда не слишком везло, — заметил Требоний.

— Перед Фарсалом Помпей гонялся за нами по Адриатике, как ястреб за утками, только чудо нас спасло, ей-богу, — вспомнил Альбин.

Брут, Кассий и Лигарий тогда не сумели закрепить успех и вырвать желанную победу, а их недавние враги теперь сделались ближайшими союзниками.

— Когда он собирается идти на парфян?

— Для начала должно произойти всеобщее пышное увеселение...

— Какое? Новый триумф?

— Нет. Это будет Всеиталийское торжество. Праздник всех италийских городов...

32

Одно из ближайших доверенных лиц диктатора, его помощник в самых тайных и кровавых делах — Луций Бальб — не был ни патрицием, ни плебеем. Больше того — он даже не являлся прирождённым римлянином, а появился на свет в Дальней Испании, в городишке Гадес, куда судьба занесла в своё время Гая Юлия Цезаря, только-только начинавшего государственную службу... Молодой тридцатидвухлетний квестор, должный снабжать мировую столицу зерном и фуражом, как-то приметил юного развитого кельтибера, готового ко всяческому услугам, и пристроил его на должность руководителя местных ремесленников и подённых рабочих.

Для римлян это была привычная практика: стараясь расположить к себе покорён-

ное население, они набирали из его среды верных приближенных и позволяли им делать успешную карьеру. Бальб для этой роли подходил вполне — не случалось такой самой чёрной и грязной работы или таких обстоятельств, которых он не сумел бы выполнить либо преодолеть. С помощью Бальба молодой квестор успешно выполнил возложенные на него обязанности и смог завидно обогатиться. А дальше они уже не мыслили жизни друг без друга. Лихому, пробивному испанцу даже не пришлось умолять своего покровителя, чтобы тот не оставил его своею милостью. Карьера Цезаря шла неудержимо в гору, и Бальб, всегда оставаясь в тени своего благодетеля, проворно устремился за ним, как «рыба-прилипала», намертво прильнувшая к брюху акулы...

Три года спустя, уже в должности эдила, Цезарь должен был организовать народные увеселения. И здесь он превзошел всех своих предшественников: обильные угощения, громкая музыка, театральные представления, вино лилось рекой... Рекой лилась и кровь — в цирке выступало триста двадцать пар гладиаторов — такого мощного кровопускания Рим ещё не видел!

Будущий блистательный полководец словно репетировал свои грядущие шумные победы, в которых потом полегли сотни тысяч противников и римских граждан. А римляне, упоенные и вином, и кровью, до небес превозносили щедрого устроителя, сумевшего потрясти их и улажить...

Праздник латинских городов, который вздумалось провести диктатору, конечно же, не мог состояться без участия Бальба. Закулисный пособник Цезаря умело распорядился денежными затратами и расписывал роли всем участникам, вплоть до самого главного...

Он уговорил триумфатора не снимать расшитую золотом тогу и лавровый венок. Его неусыпными стараниями сенат поднёс Цезарю титул «Отца отечества», которым награждали самых выдающихся людей, оказавших неоценимые услуги государству. В честь воинских побед полководца было решено возвести храм...

По совету пронырливого испанца, задумавшего придать всем поступкам диктатора некую добрую, традиционную патриархальность, общеталийский праздник состоялся отнюдь не в Риме, а в Альба-Лонге — одном из старейших городов Аппенинского полуострова. И туда съехались делегации из многих уголков Италии...

Этот городок, расположенный на склоне Альбанской горы, имел для римлян символическое значение — здесь родились близнецы Ромул и Рем, основатели Рима. Их соперничество, как известно, закончилось трагедией — Ромул убил Рема, что не помешало ему стать величайшим национальным героем...

Стоял январь — месяц, посвящённый древнейшему латинскому богу Янусу — богу богов. Он был двуликим — на геммах и монетах один его профиль смотрел направо, другой — налево, но это вовсе не значило, что он думал одно, а говорил другое. Просто один его взгляд был устремлён в будущее, а другой — в прошлое. Божество было двуликим, но не двуличным. Оно не пыталось лгать, а стремилось увязать в единое целое все начала и все концы... В Альба-Лонге сохранилось древнее святилище, посвященное богу богов. Здесь собрались представители всех италийских племен — латинян, этрусков, марсов, умбров, вольсков, самнитов...

Многие принимали участие еще в Союзнической войне, вспыхнувшей полвека назад и длившейся два года. Рим тогда оказался в кольце восставших — они хотели свергнуть его владычество, уравнив себя в правах с гражданами вечного города... В конце концов им это удалось. Отец Великого Помпея Помпей Страбон, консул и главнокомандующий римской армией, провёл в сенате закон, дающий право полного гражданства всему населению Италии. Любой её свободный житель, будь он этруск, умбр, вольск или самнит, мог избираться в трибуны или сенаторы, вплоть до самого консула. И война закончилась миром...

Но продолжался он недолго — началась ожесточённая битва с понтийским царем Митридатом. А затем разразилась непримиримая, кровавая схватка между Марием и Суллой. Победил Сулла. И в ход пошли знаменитые проскрипции. Не только Рим, но вся Италия оцепенела от страха...

Однако, слава богам, оцепенение оказалось скоротечным — Сулла сам отрёкся от власти и вскоре умер. Но война за пределами страны не утихла — юный Помпей, маститые Лукулл, Метелл и Марций вели победоносные сражения в Африке, Малой Азии, Испании... Римские легионы сокрушали чужие стены и судьбы по всему Средиземноморью, стремясь повсюду установить свой порядок...

А в собственной стране всё шло более-менее спокойно и мирно, но вдруг разразилось восстание гладиаторов, рабов и пастухов во главе с отважным Спартаксом. Римская республика поколебалась. Знаменитый толстосум и незадачливый полководец Марк Лициний Красс едва не покрыл свое имя несмываемым позором, безуспешно гоняся за мятежниками и терпя неудачу за неудачей... Выручили Помпей и Лукулл. Рим продолжил покорение мира... Вот тут и взошла звезда Гая Юлия Цезаря.

...Двери храма Януса в Риме и в древней Альба-Лонге были постоянно распахнуты настежь, а это значило, что войнам нет и не будет конца. Однако сейчас двери были слегка притворены...

Все, кто прибыл на грандиозный праздник, терпеливо ждали диктатора. Его заботливые устроители, а больше всех Луций Бальб, старались из последних сил, дабы небывалое торжество выглядело пышным, красочным и непринужденным. А его счастливые участники должны были олицетворять собой нерушимое единство народов Италии...

Только упорное, какое-то необъяснимое безмолвие многотысячной толпы вызывало нехорошие мысли у официальных лиц.

Наконец появился Цезарь. В кольце внушительной охраны, в золотой тоге и лавровом венке. Непостижимое, тревожное, зловещее молчание тысяч людей обеспокоило его. И вдруг среди всеобщего оцепенения раздался одинокий выкрик:

— Да здравствует наш царь!

Оглушительная тишина вот-вот была готова взорваться ликующими воплями, но их пресёк гневный возглас диктатора:

— Я не царь, а Цезарь! Це-зарь! Запомните это!..

33

Одну из первых статуй Великого Помпея, подлежащих восстановлению по приказу Цезаря, водрузили на пьедестал в помещении курии, где время от времени собирался на заседания римский сенат.

Настали мартовские иды.

В левом дальнем углу курии ярый приверженец диктатора Фуфий Кален развивал мысль о том, что Цезаря следует считать царем «лишь частично».

— Но позволь, а как это понимать? — обратился к нему Цицерон и показал красноречивым жестом, картинно проведя по животу раскрытой ладонью: — До какого места он будет царём? Сверху? Снизу? Или как?

Присутствующие засмеялись. Фуфий попытался объяснить:

— Я хочу сказать, что здесь, в Риме, он будет по-прежнему консулом, а на завоеванных землях — для варваров — он станет царём. И почему нет? Своих же царей они принимают...

В зал вошёл Цезарь в сопровождении кучки просителей, подкарауливших его на входе в курию. Брут оглянулся на Кассия и Цинну. Цезарь опустился в своё кресло чуть поодаль от статуи Помпея. Один из просителей, Туллий Кимвр, умолявший диктатора простить его близкого родственника, рыдал и бил себя в грудь... Раздался возглас:

— Цезарь, будь великодушен! Что тебе стоит?!

Туллий, рухнув на колени, ухватился за пурпурный край белёной тоги диктатора, уткнув в неё лицо. Сенаторы из первых рядов окружили Цезаря, и никто не заметил, как Публий Каска молниеносно выхватил меч. Последовал удар по жилистой, длинной шее. Цезарь успел подставить под лезвие раскрытую ладонь и крикнул:

— Негодяй! Что ты делаешь?!

Брут, Лигарий, Цинна, Кассий, Цимбер, ещё пяток заговорщиков с обнажёнными мечами и кинжалами, дотоле скрытыми под одеждой, подскочили и взяли в кольцо безоружного диктатора, словно стая гончих псов, загнавшая волка. Короткие и длинные полосы железа жалили жертву со всех сторон, вонзаясь в грудь, в бок, в голову, в лицо.

Остальные сенаторы следили за происходящим в немом оцепенении.

Требоний и Альбин стояли за стенами курии. Перед ними появился Фуфий Кален:

— Цезаря убили.

Из дверей повалили наружу сенаторы.

— А где Антоний? — спросил Требоний.

Альбин пожал плечами.

Показалась седоголовая фигура Цицерона. Прославленный оратор бросил привычную фразу, которой римляне обычно оповещали о чьей-то смерти:

— Всё. Он отжил.

Требоний предложил сообщнику:

— Пойдем посмотрим?

Они вошли в зал.

Брут, Кассий, Цинна, Каска, Цимбер, Лигарий, перепачканные кровью, всё ещё сжимали в руках мечи и кинжалы.

У подножия статуи Помпея валялось искромсанное тело.

— А где Антоний? — спросил Кассий.